



РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ

6
2012

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

Русский язык

В

Армении

2012

6 (75)

Ереван - 2012

Главный редактор – Б.М. Есаджян
Ответственный секретарь –А.М. Амирханян

Ответственный за номер – А.Я. Хачикян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ :

Председатель общества „Армения-Россия“,
д.ф.н., профессор, М.Д.Амирханян
Вице-президент АПСН С. К. Бондырева
Председатель Ассоциации
“Педагогическая инициатива” В.С.Казарян
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н,
профессор Р.К. Мирзаханян
Академик АПСН, зам.министра МОН РА
М. А. Мкртчян
Доктор философских наук,
профессор Я.И.Хачикян

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Акопян (ЕГУ)
Г.Г. Барикян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова)
И. Б. Геворкян (ср. шк. N 131),
А. Б. Кузьминская (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
В. В. Мадоян (ЕУМО им. А. Ширакаци),
Г. В. Маркосян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова),
С. Б. Самуэлян (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
Р. В.Татевосян (АГПУ им.Х. Абовяна)
А. Я. Хачикян (РАУ).

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать

А. А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 2010: Ծավալը՝ 4 տպ. մասով:
Հանձնված է տպագրության՝ 25. 09. 2012 թ.
Գինը՝ 840 դրամ:

Издатель

ЗОО „Национальный институт образования“ РА.

Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.

www//http: aniedu.am

E-mail: info@aniedu.am

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Ответственный за издание журнала

Белла Есаджян

Формат 70X100 ¹/₁₆. Объем 64 стр. Тираж 2010

Сдано в печать 25. 09. 2012 г.

Цена 840 драм.

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:

Գպրոցներին մեկ օրինակ անվճար, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

МЕТОДИКА

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСКУРСА

Н. Е. ДАЛЯН
ГИРЯ им. А.С. Пушкина

Кросскультурным анализом занимаются ученые (как отечественные, так и зарубежные), которые разрабатывают круг проблем, связанный с изучением дискурса.

Дискурсный анализ - междисциплинарная область знания, связанная с лингвистикой текста, стилистикой, психолингвистикой, семиотикой, риторикой и философией. Известна французская школа дискурсного анализа, обращающая особое внимание на идеологический, исторический и психоаналитический аспекты дискурса. В работах виднейшего представителя этой школы М. Фуко «дискурсия» понимается как сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают. М. Фуко стремится извлечь из дискурса те значения, которые подразумеваются, но остаются невысказанными, невыраженными, притаившимися за уже сказанным [9, с. 138]. По Фуко, суть дискурсного анализа «отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших

ушей внутренним голосом. Необходимо восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры между строчками и порой раздвигает их. Его главный вопрос неминусемо сводится к одному: что говорится в том, что сказано?» [8, с. 29]. В ходе дискурсного анализа учитывают не только лексико-синтаксическую структуру текста, но и то, когда, где, кем текст был написан, к кому обращен, по какому поводу, с какой целью, в чьих интересах, каковы оценочные, идеологические установки автора. Особый интерес для этого анализа представляет паралингвистическое сопровождение речи, внеязыковые семиотические процессы. Таким образом, можно утверждать, что дискурсный анализ - это стратегия исследования текста, предполагающая комплекс методик, которые практически не эксплицированы и фрагментарно используются исследователями на интуитивном уровне.

Лингвокультурологические и кросскультурные исследования дискурса изначально были на-

правлены на «выявление культурно обусловленной картины мира, стоящей за рассказами о происшествии или о наиболее запомнившемся событии» [1, с. 175]. В таких исследованиях важно было показать, что культурные противопоставления не только влияют на формирование различных типов дискурсов, например профессионального, но и во многом предопределяют их. Такой подход реализовали, в частности, Рон и Сюзан Сколлон [5, с. 316], которые попытались описать жанр профессиональной коммуникации и дедуктивно исчислить по разным дискурсивным параметрам эснвные культурные противопоставления на материале именно профессионального дискурса. Несколько иной подход был использован в работе Деборы Таннен об особенностях коммуникативного поведения мужчин и женщин [6, с. 432]. Ее сопоставительный анализ «языков» двух культурно противопоставленных групп, пользующихся одним, вроде бы общим языковым кодом, позволил сделать вывод о том, что кросскультурные различия могут наблюдаться даже в пределах одного языкового континуума. Она исследовала коммуникативное поведение мужчин и женщин и показала, что это поведение способно существенно различаться и приводить к непониманию.

Отметим, что кросскультурное сопоставление дискурса – одно из новых направлений в

дискурсивной прагматике. В первую очередь оно оперирует таким понятием, как «национальный архетип», подразумевающий набор неформулируемых утверждений, которые являются незыблемыми презумпциями и на которые опираются рассказчик и слушающий. Именно в этом научном ответвлении прагматики дискурса выделилась так называемая кросскультурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность. Наиболее популярный термин в подобных исследованиях - *cultural script*, а содержание, которое за ним закреплено, - некие культурные правила, нормы, определяющие специфику речевого поведения этносов в определенной ситуации общения.

Термин этот стал широко востребованным после выхода работ Анны Вежбицкой. В 90-е годы вошел он и в отечественную лингвистику вместе с первыми переводами ее работ. Переводили его, однако, по-разному. Так, Р.М. Фрумкина и А.И. Полторацкий в качестве русского эквивалента использовали термин «культурно-обусловленный сценарий». А.Д. Шмелев использовал термины «культурные предписания», «ценностные установки культуры» или предложенный самой А. Вежбицкой термин «культурные скрипты».

А. Вежбицкая исследовала дискурсивную практику с пози-

ций кросскультурной прагматики, но коммуникативное поведение как таковое не было в фокусе ее внимания: ее интересовала прежде всего смысловая интерпретация культурно значимых слов. Исследования А. Вежбицкой М.В. Бергельсон комментирует следующим образом: «Сравнивая слова, конструкции, тексты, являющиеся в различных языках как будто бы точными соответствиями, Вежбицкая, используя разработанный ею метаязык семантических примитивов, показывает, что прямые переводные эквиваленты могут скрывать существенные культурно обусловленные различия» [1, с. 175]. А. Вежбицкая стремится показать, что мы часто приписываем несуществующую универсальность понятиям, которые обладают достаточно ощутимыми культурными различиями, например, когда рассуждаем о дружбе, свободе, гневе, страхе и т.п. Так, по мнению Вежбицкой, русских отличает особый интерес к сфере человеческих отношений. На миллион словоупотреблений приходится 817 случаев употребления лексемы «друг», в то время как частотность употребления, например, ее английского аналога ("friend") в сопоставимом корпусе составляет 298 случаев [2, с. 108]. По мнению исследователя, русский язык богаче и в «содержательной части»: в нем присутствуют две, отличающиеся смысловыми нюансами, формы, которые указывают на множествен-

ность - устаревшая *друзи* и современная, по происхождению собирательная, форма *друзья*. Последняя, полагает Вежбицкая, обладает особыми импликациями, не свойственными иноязычным эквивалентам лексемы *друг*: она свидетельствует об особом типе общности, сообщности: «Видеть своих друзей, беседовать с ними, проводить с ними много времени - это одна из наиболее важных составляющих русской жизни», - заключает она в итоге [2, с. 110].

Уделяет внимание А. Вежбицкая и обращениям со словом *друг*. Несмотря на кажущуюся близость русского слова *друг*, периодически употребляющегося в качестве обращения, и формы английского обращения *my friend* она не соотносит их. По ее мнению, *my friend* в английском языке может быть охарактеризовано тремя оттенками - «ироничным, саркастичным или покровительственным», тогда как в русском языке выражение «мой друг» может быть адресовано только настоящим друзьям. Последнее доказывает наличие у слова *друг* некоего эмотивного семантического компонента, нечто вроде «когда я думаю о тебе, я чувствую нечто хорошее», что не находит отражения в английском *friend*. Это, по мнению Вежбицкой, особенно наглядно демонстрируют синтагматические связи русской лексемы: «близкий друг, душевный друг, лучший друг, единственный друг, неразлучные друзья, верный друг,

надежный друг, преданный друг, истинный друг» [2, с. 113].

Подобный подход к анализу культурно значимой лексики позволяет Вежбицкой сформулировать идею культурных стереотипов, так называемых «лингвокультурных изоглосс» [3, с. 29]. Центральными лексическими единицами в таких культурных стереотипах являются ключевые слова - так Вежбицкая называет «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [2, с. 35]. В русской культуре это, например, лексемы *судьба*, *душа* и *тоска*.

Примечательно, что в отличие от многих своих коллег А. Вежбицкая не ограничивается монокультурными исследованиями «ключевых слов»: широко известны ее работы, посвященные сравнительному изучению культурных стереотипов австралийской, английской, польской и русской языковых культур. Эти работы интересны еще и потому, что именно они уже без всяких оговорок могут быть квалифицированы как кросскультурные лингвистические исследования (отметим, что А. Вежбицкая сама употребляет этот термин).

В отечественной лингвистике кросскультурными исследованиями занимается В.А. Маслова. Несмотря на то, что она является автором одного из первых учебных пособий по лингвокультурологии и проводит, в основном, исследования, связанные с изучением языковой менталь-

ности, в своих трудах она делает особый акцент на изучение сопоставительной лингвокультурологии, считая, что именно это направление отечественной лингвокультурологии более чем какое-либо другое основано на методологии кросскультурного анализа. Наиболее интересными из работ в рамках этого направления она считает книгу М.К. Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка», в которой «особенности французского менталитета изучаются позиций носителя русского языка и культуры» [4, с. 29].

Таким образом, как показывают исследования А. Вежбицкой и В.А. Дасловой, кросскультурный подход к анализу языковых средств заключается не столько в выявлении общего в сравниваемых языках, сколько в умении видеть специфические особенности той или иной лингвокультуры. Здесь речь идет уже о новом направлении научных поисков в русле сопоставительного метода, ориентированного на семантику сравниваемых единиц, принадлежащих различным языкам. Это направление стало складываться только в конце XX века. Так, С.Г. Воркачев сравнивает русские и испанские пословицы и поговорки с общим значением «безразличие» и приходит к выводам о сходстве и различии менталитета двух народов, двух типов языковой личности. Сходство объясняется тем, что русские и испанцы находятся в рамках общей

европейской культуры, а различие – особенностями национального характера.

Целью кросскультурного анализа М.К. Голованивской также является попытка представить их «видение в той или иной культуре» посредством присущего им образа. Этот «образ» Голованивская пытается выявить путем определения «вещественной коннотации». Вещественная коннотация, полагает она, находит свое отражение не в индивидуальных, авторских метафорах, а в общеязыковых, что позволяет говорить о ее объективном характере. Она пишет: «Вещественная коннотация не осознается носителями языка, образуя своеобразный метафорический концепт понятия, который возможно выявить лишь путем реконструкции» [3, с. 27].

Следует отметить, что Голованивская впервые в истории лингвистики предпринимает попытку разработать процедуру «контрастивного семантического анализа» [3, с. 12], которая, с ее точки зрения, должна включать в себя три этапа: описание русских понятий, описание их эквивалентов во французском языке, сопоставительный анализ значений описываемых понятий а, как результат, выявление вещественных коннотаций, присущих понятию в двух языках. Такая методология и позволяет ей провести сравнительный анализ двух языковых ментальностей, ориентированный на выявление их различий и совпадений.

Основой исследования методики контрастивного анализа, которая лежит в дентре кросскультурного изучения, является методика концептуального шализа.

Кросскультурные концептуально-сопоставительные исследования заключают те же этапы, что и лингвокультурологические. Но их отличие от лингвокультурологических исследований состоит в том, что вначале мы, исходя из методики концептуального анализа, исследуем определенный концепт изучаемого языка, потом находим его соответствие в родном языке и проводим точно такие же исследования выявленного нами концепта, а на третьей стадии даем сравнительно-сопоставительную характеристику концептов двух языков, расширенную методом статистического анализа, зыявляя их общие и дифференцированные признаки. Данная методология предполагает и третью стадию – определить на основе полученных данных культурную ценность концептов сравниваемых языков и специфику их функционирования в физическом и ментальном пространстве обеих наций, что повлечет за собой определенные выводы, связанные с особенностями проведения диалога в рамках изученного нами концепта.

Сравнительному анализу французской и русской ментальной сущности, посвящена работа Е.В. Урысон, которая называется «Языковая картина мира и лекси-

ческие заимствования». В ней исследователь обращается к анализу заимствованной из французского языка лексемы «район» и исконно русского слова той же семантики «округ». Несмотря на кажущуюся близость значений, полагает автор, «обе лексемы обозначают не имеющую четких границ территорию, выделяемую относительно какого-либо объекта» [7, с. 80]. Данные лексемы, как считает Е.В. Урысон, отличаются, главным образом, объектами, относительно которых может быть выделена та или иная территория. Так, границы района определяются относительно его центра, в то время как округа предполагает обязательное наличие людей, проживающих на указанной территории. Люди, предполагает далее автор, проживающие в округе, связаны соседскими отношениями, а потому склонны считать себя входящими в коллектив, «своими», что приводит к олицетворению округа с домом. Подобные смысловые импликации свидетельствуют о проявлении патриархальной русской категории «общинности», которая представляется ей неотъемлемой чертой русской языковой картины мира.

А вот слово «округ» уступает первенство французскому заимствованию «район» именно потому, что «данный фрагмент русской языковой картины мира в большей степени утрачивает свою специфичность, перестраи-

ваясь, как то навязывает ему новая лексема *район*» [7, с. 82].

Подход к изучению разных пластов лексики на основе двух языков, намеченный Е.В. Урысон, представляется нам чрезвычайно плодотворным и перспективным. Особенно, если эти пласты являются заимствованиями. Данный исследователь пытается доказать, что когда заимствованное слово вытесняет исконное, это предполагает смену языковых приоритетов у «принимающей стороны» соответствие нового слова изменившейся реальности. Кросскультурные исследования также призваны выяснить, почему именно «чужой» элемент больше подходит или больше соответствует меняющейся языковой картине мира того или иного народа.

Отметим, что кросскультурное исследование в русле контрастивной лингвистики можно проводить не только на двух, но и на трех, четырех и даже пяти иностранных языках, но обязательным условием должно быть их сопоставление с родным языком.

Каждый из рассмотренных нами подходов к языку как источнику объективной информации о ментальности носителей языка имеет право на существование и способствует расширению наших знаний и о языке, и о национальном менталитете.

Говоря о кросскультурных лингвистических исследованиях, хотелось бы подчеркнуть, что сравнительные исследования

культурных ценностей очень сложны в методическом плане. Прежде всего, в рамках проведения кросскультурных исследований ученые часто сталкиваются с двумя основными проблемами. Одной из них является выбор основного метода исследования. Другая важная проблема связана с обеспечением адекватной передачи смысла и работе с людьми

в разных культурах. На наш взгляд, решение этих проблем должно во многом улучшить качество результатов кросскультурных следований, которые бесспорно представляют большой интерес и имеют актическую пользу для успешного осуществления «диалога культур».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бергельсон М.Б.** Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4.
2. **Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
3. **Голованивская М.К.** Французский менталитет с точки зрения носителей русского языка. М., 1997.
4. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. М., 2001.
5. **Scollon R., Scollon S.W.** Intercultural communication: a discourse approach. N.Y.: Blackwell Publishers Ltd., 1995.
6. **Таннен Д.** Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М., 1996.
7. **Урысон Е.В.** Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
8. **Фуко М.** Слова и вещи. СПб., 1996.
9. **Хроленко А.Т.** Основы лингвокультурологии /Под ред. В.Д. Бондалетова. М., 2009.

ЛИНГВИСТИКА

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТАКСОНОМИЗАЦИИ ГЛАГОЛА (на материале деструктивных глаголов)

Д.О. ГАРИБЯН
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова

Процесс становления и развития проблемы глагольности может быть охарактеризован в трех следующих основных этапах. Первый из них заключается в осознании сигнифицирующего характера глагольной лексемы, что в свою очередь привело к необходимости структуризации глагольной семантики путем выявления характерных семантических параметров (второй этап) и, наконец, параметризация значения глагольной лексемы, уже на третьем этапе, предоставила возможность выявления глубинных синтаксических структур, и, соответственно, специфики их трансформаций в поверхностные семантические структуры.

Попытки параметризация значений глагольной лексемы впервые были предприняты в работах Ч. Филлмора “Дело о

падеже” и “Дело о падеже открывається вновь”. Здесь впервые введено понятие глубинной структуры предложения. В соответствии с вербоцентрическим подходом к предложению, а также с учетом неоднородного характера подчиненных глаголу в предложении имен, предложение определяется как “... состоящее из глагола и одной или более именной групп, каждая из которых связана с глаголом определенным падежным отношением” [5: 400]. Понятие падежа здесь использовано не в качестве словоизменительной категории, но в качестве категории, характеризующей ту или иную подчиненную глаголу именную группу, в качестве носителя свойственной предложению глубинной семантики, регулирующей специфику взаимоотношений

именной группы с глаголом. В списке Филлмора 6 основных глубинных падежей: Агентив (A), Инструменталис (I), Датив (D), Фактитив (F), Локатив (L), Объектив (O). В примерах 1а, 1б, 1в, представлены Агентив, Датив, Инструменталис и Локатив.

1а Он (A) убил.

1б Он(A) убил его (D)

1в Он (A) убил его (D) ножом (I).

1г. Он (A) убил его (D)

ножом (I) на улице (L)

Что касается Объектива, то разница между данным падежом и Дативом обусловлена одушевленностью приглагольной именной группы. Объектив представлен в примере 1д.

1д. Он(A) разбил окно (O)

Фактитив же понимается Филлмором как “падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом, или которое понимается как часть значения глагола” [Филлмор 1981: 406]. Фактитив не удостоивается отдельного внимания в “Деле о падеже”, однако, следуя логике Филлмора, данный падеж, по видимому, должен быть представлен примерами типа 1е:

1е. Он(A) смастерил куклу (F)

Филлмор вводит также понятие пропозиции, которое понимается как отношение между глаголом и именной группой и схематически для примеров 6 (а-г) имеет следующий вид падежной рамки: 6а. + [V A], 6б. +[V A D], 6в. + [V A D I], 6г. + [V A D I L]. Для примеров 6д и 6е падежная рамка будет выглядеть как + [V A O] и + [V A F] соответственно. С точки зрения минимального контекста (1а), по отношению к которому указанные в примерах глубинные падежи (кроме Агентива) могут быть факультативными, обобщающая падежная рамка для примеров 1(а-г) может быть представлена в следующем виде: + [V A (D) (I) (L)].

Одной из основных категорий, лежащих в основе выделения глубинных падежей, является категория одушевленности /неодушевленности. Как была отмечено выше, именно эта категория служит критерием для разграничения Объектива и Датива. Тем не менее дальнейшая возможная классификация по принципу наличия или отсутствия одушевленности Филлмором не осуществлена, тогда как разница между Агентивным глубинным падежом и неодушевленным каузативом действия была слишком

очевидной для того, чтобы остаться неоговоренной. Неполнота предложенного Филлмором списка глубинных падежей была восполнена в дальнейших трудах по глубинной семантике предложения. В исследованиях В.Г. Гака [2] аналогом филлморовского глубинного падежа становятся “реальные актаны”: 1. субъект (отправитель), 2. объект, 3. адресат, 4. субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса, 5. пространственный конкретизатор, 6. временной конкретизатор, 7. субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект или объект.

В работе В.В. Богданова “Семантико-синтаксическая организация предложения” дифференциация глубинных падежей на основе категории одушевленности/неодушевленности осуществлена более последовательно. 14 основных глубинных падежей, выделяемых таким образом, как отмечает автор, “распадаются на три группы с точки зрения их отношения к семантическому признаку одушевленность-неодушевленность. К первой группе относятся функции, характеризующие семантемы одушевленных аргументов, а именно аген-

тив, пациентив, бенефициатив и экспериенсив; ко второй – функции для неодушевленных аргументов, т.е. объектив, инструментатив, медиатив, элементив; к третьей – функции, способные характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные аргументы, а именно перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив и результатив” [1: 55].

Исследование глубинных семантических функций положило начало параметризации значения глагольной лексемы. В рамках генеративной грамматики понятие глубинного падежа трансформируется в понятие семантической роли или Т-роли. Тем не менее в основе параметризации значения глагольной семантики лежит осознание синтетического характера обозначаемого (сигнифицируемого) глагольной лексемы, когда само сигнифицируемое понимается как коцепт ситуации.

Как отмечает Е.В.Падучева, “Глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании, описывает некую ситуацию. Тем самым лексема (или говорящий с помощью данной лексемы) концептуализирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать “концепт

ситуации”, и этот концепт включает определенный набор участников” [4: 52]. Понятие “концепта ситуации” в данном случае является структурообразующим элементом, синтезирующим в себе сегменты глагольной лексемы и позволяющим избежать постоянного и казалось бы неизбежного расщепления значения глагольной лексемы на компоненты ситуации. Семантические роли в основном сводятся к следующим основным разновидностям глубинных семантических функций¹: Агенс, Пациенс, Инструмент, Средство, Тема, Причина, Бенефициант, Экспериент. Агенс и Пациенс представляют собой семантическую роль инициатора действия и одушевленного или неодушевленного лица, подвергающегося воздействию, и представлены примерами б (а-е): *Он* (Агенс) *его* (Пациенс) для примеров б (а-г), в примере бд Пациенс представлен лексемой *окно*, в примере бе – лексемой *кукла* представлен

участник ситуации Результат. Как видно из приведенных примеров, семантическая роль Пациенса совмещает в себе семантические функции таких глубинных падежей как Обьектив и Датив. Семантические функции, сходные функцией Пациенса, выполняет также участник Результат, представленный в примере бе, что свидетельствует о том, что понятие участника с семантической ролью Пациенса воплощает в себе также функцию Фактитива (в терминологии Филлмора) или Результатива.

Структурирование значения глагольной лексемы при помощи его параметризации и интеграции в понятие “концепт ситуации” семантических ролей, свойственных тому или иному глаголу, так или иначе предполагало взаимосвязь и взаимообусловленность параметров значения. Так, семантические роли, преломляясь в дихотомии язык - речь, были противопоставлены своим синтагматическим реализациям. Противопоставление семантической роли ее синтагматической реализации привело к пониманию наличия взаимосвязи между характером семантической роли и ее синтаксической позицией. Подобное соотношение привело к

¹ В частных случаях в концепте ситуации могут быть представлены такие семантические роли как Исходная и Конечная точка для глаголов движения, роль Место для глаголов местонахождения, а также ряд других ролей, специфичных для каждого конкретного случая.

выделению другого параметра глагольной семантики – диатезы. Рассматриваемая сквозь призму залоговых отношений диатеза понималась как маркированное формой глагола изменение залоговых отношений. Немаркированная же формой глагола мена диатезы представлена трансформацией конструкции 2а в конструкцию 2б. имеет следующий вид:

2а Он разрубил канат топором

2б Топор разрубил канат

Диатетический сдвиг для данного примера характеризуется следующим образом:

2а. Агенса – Субъект, Пациенс – Объект, Инструмент – Периферия

2б. Инструмент – Субъект, Пациенс – Объект.

Структурирование значения глагольной лексемы, введение оппозиции семантической и синтаксической валентности, а также диатезы, выражающей соотношение между семантическими ролями и их синтаксическими реализациями, обусловило дифференциацию также такого параметра как таксономический класс участника. Необходимость в таком параметре закономерна и отражает связь между таксономией языковых знаков и син-

таксическим устройством предложения, обнаруживая и акцентируя скоррелированность устройства словаря и синтаксиса, парадигматического и синтагматического аспектов функционирования знака. Параметр таксономический класс участника является во многом структурообразующим параметром глагольной семантики, так как зачастую изменение значения глаголов является обусловленным изменениями в таксономическом классе участника ситуации, как это показано в следующем примере:

2г. разбить окно

разбить противника

В рамках таксономического устройства языка таким образом пересекаются две линии, одна из которых представляет собой отражение строения внеязыковой действительности, другая обусловлена внутренними особенностями самой знаковой системы. Как отмечает Ю.С. Степанов, “Одни линии идут от отражения в словах предметов объективного мира и образуют основные таксономические классы – “Вещи”, “Растения”, “Животные”, “Люди”, которые вообще говоря, не зависят от Синтаксиса... Таксономические линии второго рода идут от синтаксиса и представляют

собой проекцию основных синтаксических отношений – субъекта и предиката предложения, денотатные и сигнификатные группировки; индивидные и общие имена; классы предикатов” [3: 114]. Взаимосвязанность и синтаксическая релевантность таксономических группировок проявляется в том, что денотатные и сигнификатные группировки слов связаны с таксономическим делением на общие и индивидные имена (денотатно ориентированные слова тяготеют к статусу индивидного имени, сигнификатно ориентированные к статусу общего). Таксономическое деление на сигнификатные и денотатные группировки слов находит свое синтаксическое выражение на уровне функций, выполняемых словами указанных группировок в рамках предикативных конструкций (наиболее общая закономерность в данном случае заключается в том, что сигнификативные имена тяготеют к функции предиката, денотативные к функции субъекта).

Несколько иного рода подход к таксономическому классу участника представлен в книге Е.В. Падучевой “Динамические модели в семантике и лексике”. Представленные здесь таксономи-

ческие классы более дробны по своей сути. Как отмечает автор, “При описании семантики глаголов оказались полезными такие таксономические классы как ВЕЩЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ, МАССА, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПРИРОДНАЯ СИЛА, СОБЫТИЕ, ЧЕЛОВЕК (ЛИЦО) и мн. др.” [4: 80] Дробный характер таксономических классов в данном случае позволяет более последовательно отследить специфику трудных случаев таксономических переходов, когда смена таксономического класса фактически имплицитна, так как не сопровождается заменой языкового знака, что представлено примером 8д:

2д. *Вода замерзает при нулевой температуре*

Вода затопила дом

В первом случае участник *вода* представлен таксономическим классом ВЕЩЕСТВО во втором – классом ПРИРОДНАЯ СИЛА

Другой характерный параметр значения глагольной лексемы – Т-категория глагола. Т-категория глагола представляет собой параметр, базирующийся на различении агентивности и неагентивности (то есть понятия глубинных семантических функ-

ций приглагольных именных групп, восходящих к работам Филлмора) и аспектуальной классификации в понимании Вендлера. Так, например, глагол *резать* может быть представлен следующими разновидностями Т-категорий, образующими категориальную парадигму данного глагола.

3а. *Человек режет бумагу* (Т-категория *действие*)

3б. *Нож хорошо режет* (Т-категория *свойство*)

3в. *Воротник рубашки режет затылок* (Т-категория *состояние*)

3г. *Река, протекающая по середине города, режет его на две части* (Т-категория *соотношение*)

Как видно из приведенных примеров, ряд Т-категорий напрямую зависит от таксономического класса участника, как это видно на примере 9а и 9г. Частичная зависимость Т-категории от таксономического класса участника обусловлена диагностической ролью категории одушевленности – неодушевленности или агентивности – неагентивности, что само по себе задействует таксономические классы Люди и Животные, противопоставляя им остальные таксономические классы, для ко-

торых нехарактерна одушевленность.

Наиболее автономным параметром лексического значения является Тематический класс глаголов. В строгом смысле понятие параметра лексического значения, будучи употреблено по отношению к тематическому классу, требует значительной оговорки относительно того, что если такие параметры как Семантическая роль приглагольной именной группы, Таксономический класс участника, Т-категория глагола, диатетические сдвиги в той или иной степени являются регулирующим или каузирующим фактором при изменении лексического значения глагола, то тематический класс, как и изменение тематического класса, являются скорее результатом изменения значения глагольной лексемы, так как изменение значения глагола каузирует переход глагольной лексемы из одного тематического класса в другой:

4а. *Вбить гвоздь в стену*

Вбить мысль в голову

Как следует из приведенного примера, изменение лексического значения глагольной лексемы обуславливается сменой таксономического класса языкового знака, выражающего приглагольную семантическую роль Место. Из-

менение лексического значения в свою очередь обуславливает изменение тематического класса глагола. В первом случае глагол в примере 10а принадлежит тематическому классу физического действия, во втором – ментального действия. Наиболее яркое различие между тематическим классом и таким параметром как Т-категория демонстрирует тот факт, что у глагола могут быть разные Т-категории, но один тематический класс. Так например глагол *разбить*, будучи глаголом физического действия, может иметь Т-категорию *действие, соотношение, деятельность, происшествие*. Эти категории представлены в последовательности предложений в примере 10б:

4б действие: *Грабители **разбили** окно и проникли в дом;*

происшествие: *Он случайно **разбил** вазу, выронив ее из рук;*

соотношение: *Дополнительный дифференциальный признак **разбивает** совокупность элементов на более мелкие классы;*

деятельность:

*Он видел, как на пожаре обжигают руду; потом, как мальчишки его возраста **разбивают** её на мелкие куски, а потом эту измельчённую руду свозят наверх домен-*

ной печи и засыпают вперемежку с углём (Мамин – Сибиряк).

Указанные примеры свидетельствуют о том, что тематический класс оказывается независимым от параметра Т-категории.

Таким образом, методологическая ценность параметров лексического значения заключается в том, что эксплицируя семантическую структуру, свойственную глаголу на глубинном уровне, а также характер концептуализации сигнифицируемой глаголом ситуации и специфику ее отражения в сознании говорящего, они предоставляют основание для по возможности наиболее полного функционального таксономического описания глагольных лексем. Другой аспект, сквозь призму которого преломляется методологическая ценность параметризации глагольной лексемы, заключается в том, что внедрение семантических параметров и дифференциация глубинной синтаксической структуры и поверхностной семантической структуры по существу имплицировала ряд логико-грамматических категорий или – шире – понятийных категорий, на которых по существу базируется трансформация глубинных синтаксических структур (ГСС) в по-

верхностные семантические структуры (ПСемс). Указанные категории, существуя на уровне ГСС, фактически грамматикализуются или семантизируются при переходе к уровню ПСемс. Основопологающей при этом является категория, фактически ответственная за дифференциацию прилагательных семантических ролей – одушевленность /неодушевленность. Данная категория при этом во многом ответственна за взаимообусловленность и взаимосвязанность семантических параметров глагольной лексемы. Так, семантической функции Агенса, для которой одушевленность является категориальной, соответствует Т-категория Действие. Другая категория, являющаяся атрибутом одушевленности – *человечность*, а точнее отсутствие данной категории, обуславливает взаимосвязанность семантической роли Причина и

Происшествие (в случае если субъектный актант представлен именем таксономического класса Животные) – *Собака разбила вазу*. При этом категория человечность имплицитно также другую, не менее важную категорию – способность к инициации действия, которая оказывается исключаемой в случае отсутствия категории *человечность*.

Указанные категории, а также ряд других категорий, фактически служат тем фундаментом, на котором базируется структурный характер существующих на глубинном уровне семантических параметров. Следовательно, глубинная структура может быть описана также при помощи перечисления данных категорий, релевантных поверхностной организации предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Богданов В.В.** Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977
2. **Гак В. Г.** К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация “глубинных” и “поверхностных” структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969
3. **Степанов Ю.С.** Имена, предикаты, предложения. М., 1981
4. **Падучева Е.В.** Динамические модели в семантике лексики. М., 2004
5. **Филлмор Ч.** Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X, М., 1981

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

В.В. МАДОЯН
ЕГУАиС

Для системной подачи содержания слова в толковом словаре значения - внутри объема многозначного слова – целесообразнее классифицировать.

Наиболее распространенными являются классификации, идущие еще от античных авторов, по которым все значения делятся на *прямые* и *переносные*. Однако уже в середине позапрошлого века предпринимались попытки их совершенствования. В русской лингвистической традиции наиболее популярной является классификация В.В.Виноградова, берущая начало от Ш.Балли и которая с определенными видоизменениями перешла и в труды по арменистике. Вот дефиниции этих значений:

“В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на “предметы”, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их

общественное понимание. ... Эти значения можно назвать свободными” [1, с.171]. “Эти значения не выводятся одно из другого, они не являются производными по отношению друг к другу” [1, с.173].

“Многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений... Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности” [1, с.176-177]. “В синтаксической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности зна-

чений, осуществление которых обусловлено синтаксически”. Так, слово *нетух* имеет значение лица только в предложениях типа *Ну и нетух! Этот нетух мне надоел!* [1, с.184]. “Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции” [1, с.187].

В связи с особенностями армянского языка, значения и в отечественной лингвистике “прочно” делятся на прямые и переносные, хотя исследования Гр.Ачаряна, Г.Б.Джаукяна и др. показали, что и здесь необходима многоступенчатая градация сущности значений.

Развитие теории устанавливало все новые различия в статусе значений, поэтому единая классификация их все более удалялась от идеала. Поскольку прямые значения оказались основными и производными, некоторые авторы отказались от этого термина, но взамен *основного* значения появилось *главное*. “...Самое важное - главное значение, - писал один из самых популярных советских лингвистов-традиционалистов

Д.Н.Шмелев, - то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют и “элементы контекста” [10, с.78].

Вряд ли можно было бы систематизировать, например, морфологические данные, если бы у одного автора суффиксы назывались префиксами, а у другого – флексиями, тем более без ответа на вопрос – почему?

Последовательная классификация значений в теории и в словарях отсутствует по причине чисто теоретического характера: нет реальных принципов классификации, сущность которых была бы практически значима, практически обусловлена. Например, зачем выделять основные и производные значения, если это не имеет никакого теоретического или практического смысла? А если они выделяются, значит, должен быть какой-то смысл.

В лингвистике существует гипотеза о варьировании значений (не семантики!) [В.А.Звегинцев, А.И.Смирницкий, Д.Н.Шмелев и др.]. Так, по В.А.Звегинцеву, “слово не может иметь несколько “значений”, напоминая некото-

рую совокупность синонимов, связанных известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплен результат определенного обобщения и этот процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живет и развивается язык, в одном слове не может одновременно происходить несколько разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое” [3, с.125]. Такой подход предполагает наличие некоторого общего значения и его вариаций, что полностью отрицается конкретным материалом. Вряд ли значение слова *нос* у человека и корабля – вариации одного общего значения (какого?). *Нос* человека – орган, с помощью которого он дышит, а *нос* корабля – его передняя часть. *Нос* человека – выступающая часть лица, и в этом плане можно говорить о переносе значения по некоторому компоненту, причем – не обязательно

гиперониму, но общий компонент – не есть общее значение.

По С.Д. Кацнельсону, “сторонники “общих значений” добиваются восстановления “правила симметрии” путем сведения всех значений слова к одному общему. В большинстве случаев это “сведение” носит декларативный характер и “проблема метода, позволяющего определить общее значение на основе непосредственных данных”, даже не возникает” [5, с.40].

По Е.Куриловичу, отдельным следует признать значение, если имеется к нему синоним, который не синонимичен другим значениям данного слова [8, с.54]. Если исходить из принятого в работе подхода, отдельным следует признать значение, которое состоит из специфического набора признаков (компонентов), не аналогичного другому набору в толковании одного и того же слова, что полностью совпадает с тезисом Е.Куриловича. Приобретение или утрату компонентов можно было бы назвать варьированием, если бы употребленные разные значения были связаны только с контекстом.

В лингвистике как общественной науке значения можно

классифицировать с двух точек зрения: исторической и синхронной.

Историческая классификация предполагает установление последовательности развития семантики, поэтому значения здесь могут быть *исходными* и *производными*. Такая классификация может использоваться только в плане описания истории объекта и никак не может быть применена в синхронии, поскольку, как уже давно известно науке, исходные значения могут утрачиваться или видоизменяться настолько, что их трудно узнать в современном употреблении слова. Историческая классификация могла бы быть полезной, если бы в синхронии она решала какие-либо практические задачи. Например, переносные значения развиваются под влиянием одного из значений слова (исходного или производных), однако это существенно, если отражено в синхронии. И нередко оно бывает так: исторический ход развития семантики оказывается важным в связи с уточнением толкования. Ср.:

ЧИСТИТЬ 1. Удалять грязь, загрязнение, налет и т.п. *Ч. кастрюлю, Ч. брюки.* 2. Удалять ненужное. *Ч. сад, Ч. гараж.*

3. Удалять грязь, пыль и, нанося крем и т.п., протереть до блеска. *Ч. пол, Ч. обувь.* 4. *перен.* Опустошать, грабить. [11]

Исходное значение состоит из двух компонентов: стержневого *удалять* и вторичного *грязь*. Значения 2 и 3 образуются с помощью стержневого компонента. Значение 4 во всех словарях рассматривается как переносное - производное по метафоре: между “опустошать” и “чистить” – метафорическая связь по способу действия.

КРЫЛО 1. Орган летания у птиц, насекомых, а также некоторых млекопитающих. *К. летучей птицы.* 2. Аэродинамическая поверхность летательного аппарата, создающая его подъемную силу, а также несущая плоскость какого-н. движущегося аппарата. *Конструкция крыла. Подъемная сила крыла.* 3. Вращающаяся лопасть колеса ветряного двигателя. 4. Отражающее покрытие над колесом экипажа, автомобиля или другого транспортного средства. 5. Боковая пристройка, флигель. *Левое к. дома.* 6. Крайняя (правая или левая) часть боевого построения. 7. Крайняя (правая или левая) группировка какой-н. организации [11].

Исторически исходным здесь является первое значение. Оно же является основным. Остальные значения - производные. В современной лингвистике ход развития представляется по следующей логике. Второе и третье значения возникли по функциональной смежности (метонимии) и формальной схожести (метафоре), четвертое - шестое – по расположению относительно основной части денотата, седьмое – по абстрактному функциональному переносу.

Однако возможна и другая интерпретация. Стержневой компонент основного значения – “ответвление”. “Летать” – признак, фиксирующий функцию. Все производные значения означают “ответвление”.

Ср. толкование этого слова в “Словаре русского языка”:

КРЫЛО 1. Орган летания (у птиц, насекомых, а также у некоторых млекопитающих). 2. Одна из плоских несущих поверхностей летательного аппарата или судна. 3. Лопасть вращающегося колеса ветряной мельницы или парового винта. 4. Покрышка над колесом экипажа, автомобиля, велосипеда и т.п. для защиты от брызг воды и грязи. 5. Каждая из двух

боковых частей сети (невода), находящихся по обе стороны мотни. 6. Боковая часть или боковой корпус здания, флигель. 7. Правая или левая часть строя, боевого порядка, оперативного построения войск. 8. Крайняя (правая или левая) группировка какой-л. политической организации, буржуазной партии [13].

Значений здесь указано больше, чем в словаре С.И. Ожегова, однако их количество можно увеличить – в зависимости от принципов описания. В том же словаре фиксируется в качестве устойчивого сочетания и *крылья носа*, которому не оказалось места среди производных значений.

Исходное (или основное) значение может сокращать частотность употребления, в то время как производные значения могут ее увеличивать.

Аналогичные значения имеют нем. Flügel и армянское thev:

Flügel 1. крыло (птицы); 2. крыло (здания), флигель, пристройка; 3. створка (двери); 4. (концертный) рояль; 5. *тех.* трепало; крыло (мельницы); 6. *авиаци.* лопасть (пропеллера), несущая плоскость, крыло; 7. *гидр.* гидрометрическая вертушка; полотнище в шлюзных воротах (в крышевидных затво-

рах); крыло; 8.*геол.* крылья складки пластов; крылья сброса; 9.*геол.* ветвь, отвод; 10.*воен., спорт.* фланг, крыло [12].

They 1. Ответвления (у птиц и насекомых), 2. Рука (человека), 3. Плавник (рыбы), 4.*перен.* Рукав (одежды), 5. Крыло (самолета), 6.*перен.* Крыло, ответвление (дома, здания и т.д.), 7. *перен.* Сторона, боковая часть, 8. *перен.* Лопасты (ветряной мельницы), 9.*перен.* Ручка ручных механизмов, благодаря которым они приводятся в движение, 10.*перен.* Отвод, часть плуга, сворачивающая землю, 11.*перен.* Большой сук, ветвь у деревьев, кустарников. 12.*перен.* Берег реки, пространство вдоль берега, 13. *перен.* Правый и левый горизонтальные ответвления у креста и подобных предметов; и т.д.. Всего до сорока значений, указывающих на правое и левое ответвления [14].

Если то же слово *крыло* толковать несколько иначе, учитывая стержневой и признаковый компоненты, получим:

КРЫЛО 1. Правое и левое ответвления у птиц (и т.д.), с помощью которых они летают. 2. Правое и левое ответвления у самолета (и т.д.), которые создают аэродинамическую силу, позво-

ляющую ему летать. 3. Ответвления, лопасти колеса ветряного двигателя, с помощью которых оно вращается или с помощью которого приводит в движение транспортные и проч. средства. 4. Правое и левое передние крайние покрытия, ответвления у транспортных средств, выполняющие защитные функции. 5 – 7. Правое или левое ответвления (у построек, боевого построения, организации и т.д.).

Гипероним “(правое или левое) ответвление” присутствует во всех значениях. Его нельзя связать с указанным общим значением слова [3], или с инвариантом в современной терминологии [7, с.126-127], поскольку само понятие общего значения (инварианта) предполагает наличие у слова одного (общего) значения, которое в соответствии с некоторыми условиями варьирует. Однако это не имеет места.

В работах, в которых отстаивается понятие инварианта, в качестве такового практически называется общий компонент, который в отдельных случаях может быть и самостоятельным значением, как “правое, левое ответвление” у *крыла*. Однако такие случаи, как правило, носят

эпизодический характер, о чем свидетельствуют и примеры, приводимые сторонниками общего значения. Так, при радиальной связи между значениями А, Б и В существует непустое пересечение. “Общая часть их значений называется инвариантом (или общим значением). В частном случае она может совпадать с одним из значений. Так устроено толкование слова *кромка* в СРЯ:

Кромка 1. Узкая полоска по долевому краю ткани, отличающаяся выработкой. 2. Продольный край деревянной доски, металлического листа и т.п. 3. Вообще край чего-либо.

Фактически третье значение в той или иной форме присутствует в составе первых двух” [7, с.126].

Остальные компоненты в толковании *крыла* являются побочными. Если стержневой компонент функционирует почти во всех значениях, то побочные в этом ограничены. Функции денотата, названного данным словом, можно определить из приведенного разложения значений. Это *летать, вращаться, защищать*. Однако они не связаны с ограниченным количеством денотатов, поэтому можно предположить, что и функцией *крыла* могут быть

любые движения (передвижения): *бежать, носиться, нависать* и т.д., или покой. Производные значения выводятся из исходного, т.е. первые можно считать его вариациями.

Все указанные в толковании значения в итоге сводятся к двум компонентам: *ответвление* и *действие*. Если иметь в виду, что аналогичное положение со словом *голова*, можно сказать, что *голова, хвост, крыло* выступают в качестве указаний на перед, зад, верх, низ, левую и правую стороны соответственно.

Для сравнения рассмотрим значения слов *ветка* и *стебель*.

ВЕТКА 1. Небольшой боковой отросток, побег дерева, кустарника или травянистого растения. *В. сирени*. 2. Отдельная линия в системе железных дорог, отклоняющаяся в сторону от основного пути [11].

СТЕБЕЛЬ 1. Часть растения (у травянистого – от корня до вершины), имеющая ответвления, несущая листья, почки и цветки. *С. травы*. 2. Тонкая, маленькая веточка – отросток. *С. листа*. [11].

Толкования свидетельствуют, что оба слова вбирают в себя значение “ответвление”, однако в

отличие от “ответвления”- крыла, они пространственно не ориентированы. Ветка железнодорожного пути может отклоняться и вперед, и назад, и вбок, как “маленькая веточка – отросток”. Аналогичная ситуация при сравнении с “ответвлениями” у человека: *голова, руки, ноги*.

Все они могли бы быть названы переносными, если бы отмечаемое в словарях переносное значение не отличалось бы специфическими особенностями (см. ниже).

Исходное (основное) и производные значения (за исключением переносных и окказиональных) в лингвистике принято называть *прямыми*.

Теперь обратимся к классификации синхронной.

В синхронии классификация значений может быть существенной только с точки зрения однозначности функционирования. В этом плане сразу же следует обозначить значения, которые ассоциируются со словом вне контекста и которые называются *основными (главными, свободными, виртуальными* у разных авторов). Слово может иметь как одно, так и несколько свободных значений, например, у слова *чи-*

тать основными являются: 1. воспроизводить написанный текст вслух, 2. воспринимать написанный текст. Ср. значения выражения “Читай!”.

Следует специально оговорить, что определение сущности свободных, производных, переносных и под. значений по теоретическим работам в области лексикографии практически невозможно. “Свободные, основные значения – это значения, наименее обусловленные синтагматическим контекстом слова” [6, с.164]. По Д.Н.Шмелеву, в главном значении слова... следует видеть не какое-то “общее” значение, но такое значение, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически [10, с.212]. Остальные значения он называет “вторичными, производными, переносными (в плане именно синхронных отношений)” [10, с.213]. Как показано ниже, трудно определить сущность этих значений, а также их отличительные признаки и по примерам из использованных в работе словарей, что свидетельствует о том, что выделяются они чисто эмпирически, по субъективному восприятию составителей, не

говоря уже о том, что любое не основное значение является производным (т.е. нет переносных значений, противопоставленных производным: первые также являются производными). В то же время, как показано ниже, с точки зрения семантической сочетаемости, значения (основные, производные и др.) существенно отличаются друг от друга.

Не основные значения являются контекстуально обусловленными, однако они не однородны.

Часть таких значений являются нулевыми (во фразеологических оборотах, значение которых не связано со значением составляющих лексем), поэтому далее их не касаемся. Ср. значения слов в *чертовом колесе*, *семь пятниц на неделе*, *бить баклуши*.

Классификация остальных значений требует выработки определенных принципов. каковыми могут быть неограниченность /ограниченность сферы функционирования и системная связанность, поскольку они имеют непосредственное отношение к проявлению значения в коммуникации.

Сфера функционирования языкового знака может распространяться на весь ареал употребления данного языка или на его

часть (диалектные значения). В словарях, как правило, даются диалектизмы, хотя в некоторых толковых словарях, в современных словарях синонимов диалектные значения отмечаются особо. Ср.в армянск.: *imanal* - 1.Знать. 2.*диал.*Слышать.

Системная связанность - это обусловленность употребления значения некоторыми особенностями языкового строя (системы). Она соответственно делится на лексическую, синтаксическую, фразеологическую, контекстуальную и стилистическую.

Лексическая связанность свидетельствует о том, что данное значение имеет место только в сочетании со словом определенной семантики. Ср.: *писать письмо* и *писать портрет*, *писать икону* и *писать в президиум*. “Печатать” в *печатать книгу* совсем не то, что *печатать статью*. Лексическая связанность непосредственно стыкуется с сочетаемостью и ее определение – самая тяжелая часть семантического описания, в связи с чем она никогда в словарях не отмечается. Если будет найден способ описания лексической связанности слова, вопрос машинного перевода

может быть решен непосредственно.

Синтаксическая связанность определяется наличием у слова данного значения при некотором синтаксическом условии. Это прежде всего нормативно установленные синтаксические связи. Например, *стрелять кого-что* = “охотиться на кого-что л.”, а *стрелять в кого* – “убивать кого-л”, *bestehen aus D* в немецк, “состоять из чего-л”, а *bestehen in D* – “заключаться в чем-л”. Во-вторых, это синтаксически ограниченный контекст, в котором данное значение может проявиться (синтаксическое значение, по В.В.Виноградову). Например, *осел* в значении “глупец” в: *Ослы, сто раз вам повторять!* А.Грибоедов.

Синтаксическая связанность, как правило, фиксируется в толковых и грамматических словарях.

Ограничена сфера сочетаемости фразеологически связанных значений (по В.В.Виноградову): *закадычный* в *закадычный друг*, *вселенский* во *вселенский собор*, *вселенская скорбь*, *незапамятные времена (годы)* и др.. Эти слова однозначны. Зачастую при их толковании указывается только то

выражение, в которое оно входит. Ср.: *нюни: распустить нюни*, *нуклеиновый: нуклеиновые кислоты* и т.д.

К контекстуально связанным значениям следует отнести такие, которые обусловлены основным значением и контекстом или только контекстом. Первые – переносные, вторые – окказиональные значения.

Переносные значения обусловлены внешней семантизацией и могут функционировать только в определенной ситуации. Например, *баталия* 1. Сражение, битва 2. *перен.* Шумная ссора [11].

В принципе все производные по внешней семантизации значения являются переносными. Ср.: *асфальт* – 1. Черная смолистая масса, употр. для заливки покрытий дорог, улиц, тротуаров. 2. Дорога, покрытая, такой массой. *Ехать по асфальту* [11]. Здесь перенос названия материала на название изделия из него. Однако переносными с точки зрения определения условий однозначности целесообразнее называть только такие значения, которые контекстуально ограничены, что и делается в наших словарях.

Очень ограничены контекстуально (единичны) окказиональ-

ные значения, которые мотивированы не внутренней или внешней мотивацией, а только контекстом. Это значение, которое может иметь любое слово в соответствующем контексте. Например: *Киллеру еще вчера была передана фигурка, по цвету и немного по форме напоминающая розу. Киллеру оставалось войти в гостиницу, найти полковника, достать розу и два раза пнуть из нее жертве прямо в лицо.* Только в подобных ситуациях *роза* – “пистолет”. И это значение у данного слова не обусловлено ни синтаксическими, ни лексическими связями (сочетающимися лексемами). В то же время никаких содержательных изменений не произойдет, если *розу* заменить *крокодиллом*.

Поскольку окказиональное употребление ситуативно обусловлено, его восприятие требует знания суппозиции и дискурса. Так, заметка в “Комсомольской правде” о поимке воровского клана было названо “Богатый улов”. Его значение можно определить только по макроконтексту. В этом плане окказиональное значение тесно связано со стилистической маркированностью.

Рассматривая стилистическую выразительность слова, Т.Г.Винокур пишет: “В норму стилевого узуса нам приходится вводить явления *окказиональности*, относящиеся не к конкретным индивидуальным новообразованиям, а к самой *возможности их возникновения как особо экспрессивных средств* языкового выражения, каким, например, является потенциальное слово. Для стилевой нормы важно то, что оно регулярно заполняет лакуны в системе языка, увеличивая экспрессию синонимических средств, которые представлены реальными, но играющими, как правило, нейтральную стилистическую роль в коммуникации словами” [2, с.236].

По правилу шести шагов Ю.Н.Караулова, “цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента” [4, с.77]. Между словами *крыло* и *распространение* (пожара), по методу Ю.Н.Караулова, шесть шагов: *крыло* – ответвление – любое ответвление – территория – территория распространения – рас-

пространение. Между словами *луч* (солнца) и *пыль* четыре шага: *луч* - желтый - золотой – блестящий – *пыль*. Это косвенно подтверждает нашу идею о том, что слово в единичных ситуациях может приобрести любое значение, и только в этом случае можно говорить о контекстуальной мотивированности семантики.

Стилистически связанные значения слово может иметь в стилистически маркированном контексте. Слово *баба* может иметь значение “девушка” только в разговорном стиле в речи молодых людей. *Козел* может обозначать мужа только в разговоре отрицательно настроенной к нему жены с кем-либо. Армянское *shun* (“собака”) в стилистически окрашенном контексте (разг.) может обозначать отрицательно настроенного к говорящему человека.

Стилистические пометы в толковых словарях делаются относительно слов, однако применяются они и по отношению к значениям. Ср.: МАНИФЕСТ 1. Торжественное письменное обращение верховной власти к народу (устар.); МАРОДЁР ...2. О торговце-спекулянте, продающем что-н. по непомерно высоким ценам (разг.). Такие значения отмечаются как

спец., разг., прост., устар., ирон. и т.д.

Сказанное касается только теории. В словарях же существуют только два типа значений: *прямые* и *переносные*, и стилистические указатели. Ср.:

КОЗЫРЬ 1. Карта той масти, которая считается в данной карточной игре старшей и бьет любую карту всех других мастей... 2. О том, что может дать кому-л. в нужный момент преимущество, перевес в чем-л. 3. *перен., прост.* Богатый, заносчивый, важный человек... 4. *перен., разг.* Красивый, видный, статный человек...

ЛАПА 1. Стопа ноги или вся нога у животных, имеющих подвижные конечные члены – пальцы, а также (*прост.*) о руке (реже о ноге) человека... 2. Ветвь хвойного дерева. 3. Шип в конце бревна (*спец.*). 4. Изогнутый и расплюснутый конец некоторых инструментов, приспособлений... [11]

При предлагаемом нами подходе значения оказываются не равносильными. В словах *козырь* и *лапа* выделяются первые значения, которыми обусловлены остальные, т.е. они *основные*.

Определение основного значения требует применения спе-

циальных процедур, которых в нашей науке пока нет. В этой ситуации, конечно, было бы идеально оперировать понятием исходного значения, если бы оно было статично во времени. Ведь слово *талант* обозначало древнеримскую монету, и человек, обладающий некоторым количеством талантов, был талантливый. Поскольку богатые, т.е. талантливые люди почитались в обществе, даже если они приобрели свои таланты путем грабежа (что наиболее вероятно во все времена), они считались умными. Из этого последовало, что умные люди должны быть богатыми, т.е. иметь много талантов, откуда талант стал обозначать и *ум, особые способности*. После исчезновения из обихода талантов-монет, остались только таланты-люди, отчего и значение “особая способность” стало основным для рассматриваемой лексемы. С точки зрения исходного значения, *лаборатория* – “место, где работают”, *Италия* – “страна телят”, *шулер* – “ученик”, а *машина* – “изменение, движение”. Естественно, вывести сегодня семантику этих интернационализмов в разных языках из исходных значений было бы просто нелогично и не нужно.

Более того, такие слова развивают новые значения вне зависимости от исходных. Ср.: ТАЛАНТ

1. Особая способность в чем-н..
2. Человек, обладающий особыми способностями в чем-н..

Если семантические изменения типа *apn* – “берег” в армянском и “вода, река” в персидск. (ср. название индийского штата: Пенджаб - Пятиречье) вполне объяснимы, изменение значения слова *saraj* (по-татарски “дворец”, по-русски – “помещение для дров, хлама, для содержания скота”) и под. логически трудно объяснить. Другие слова сохраняют свои исходные значения на большом индоевропейском ареале до сих пор: *зима* – *dzemer* (армян.) – *zəmərstan* (персидск.), *берег* – *berkə* (персидск.), *мясо* – *mis* (армян.) – *meat* (англ.).

Поскольку производные значения, кроме окказиональных, выводятся из основного, вопрос определения последнего важен и теоретически, и практически.

Казалось бы, можно рассмотреть все значения слова и вывести общие компоненты, по которым можно установить основное значение. Однако в таком случае мы сталкиваемся с порочным кругом, определяя исходные факторы

через итог, который должен быть получен по этим же исходным факторам.

Исходя из ситуации, основным называем:

а) исходное значение,

б) то, которое при утрате или ограничении в употреблении исходного значения, исторически закрепилось раньше других:

МАШИНА 1.Механизм, приводимый в движение с помощью искусственной энергии. 2.Автомобиль. 3.*перен.* Любой механизм. 4. *перен.* Любая система,

в остальных случаях:

б) из нескольких значений то, которое является конкретным. Ср.:

ВЫДВИНУТЬ 1.Переместить вперед от места нахождения. *В. диван на несколько см.* 2.Предложить нечто новое. *В. новую идею.* 3. Назначить, с повышением, на новую должность. *В. в начальники.* 4.Предложить кандидатуру. *В. в депутаты;*

в) из двух конкретных значений то, которое обозначает естественный предмет, свойство, явление, действие и т.д. (ср. *хвост собаки* и *хвост вертолета, ударить молотком* и *ударить по врагу*).

Описание основного значения по иным признакам оказывается не надежным.

Теперь рассмотрим терминологически выделяемые переносные значения. Так, в словаре С.И.Ожегова читаем: **ВОЛШЕБНИК** 1.Колдун, чародей. 2.*перен.* Человек, чем-н. очаровывающий, пленяющий других [11].

Как в толковании, так и в теоретической лингвистике вообще переносными называются значения, которые развились в результате того же переноса значения по метафоре или метонимии. В последнее время переносами считают и сходства по функции. Ср.: язык - 1) орган речи у человека, 2) железный шар внутри колокола, ударами которого о его стенки, производится звон, 3) пленный [6, с.170]. По М.А.Кронгаузу, все значения слова создают семантическую сеть – “структуру значений, связанных между собой различными отношениями”, в основе которых указанные переносы по метафоре и метонимии (в том числе – и по синекдохе) [7, с.128]. Существуют и другие формулировки, в частности когнитивистов, особенность которых больше заключается в сложности выражения [10].

Если за основу принять эти идеи, все значения многозначного слова составят семантически взаимосвязанную систему, в которой классификация значений оказывается невозможной (все они окажутся переносными). Ввиду этого рассмотрим ряд значений, определенных в словарях как переносные:

АМАЛЬГАМА 1. Жидкий, полужидкий или твердый сплав ртути с др. металлами (спец.). 2. *перен.* Разнородная смесь, сочетание чего-н. (книжн.) [11];

АМАЛЬГАМА 1. Сплав какого-л. металла с ртутью или раствор металла в ртути... 2. *перен.* Сочетание, соединение чего-л. разнородного [13].

АНАРХИЯ 1. Состояние общества, характеризующееся отсутствием организованной власти, законов, обязательных норм поведения, безвластие, безначалие... 2. *перен., разг.* Безначалие, беспорядок, хаос. *Чинный порядок давно оттеснен был веселой анархией...* [13];

АРОМАТ 1. Приятный запах, благоухание... 2. *перен., чего.* Неуловимый, но характерный признак чего-л. *Вспоминаю тогдашнее особенное настроение... Аромат юности...* [13];

АРТЕРИЯ ... 1. Кровеносный сосуд, несущий кровь от сердца к органам и тканям тела. 2. *перен.* Путь сообщения (особенно водный) [13];

АТАКОВАТЬ 1. Произвести (производить) атаку. 2. *перен.* Действовать энергично, с напором, чтобы добиться чего-л., получить что-л. и т.п. *Днем здесь нас атаковали владельцы маленьких катеров, уговаривая посетить остров* [13];

БОРОЗДА 1. Канавка на поверхности почвы, проведенная плугом или иным рыхлящим орудием для посева, для отвода воды... 2. *перен.* То же, что бороздка [11];

БОРОЗДИТЬ 1. Пахать, рыхлить, делая борозды... 3. *перен.* Пересекать в разных направлениях, как бы покрывать бороздками. *Морщины бороздят лицо* [11].

Количество примеров можно продолжить до бесконечности. Но, если ввести лексические индикаторы, то все переносные значения, в отличие от прямых, оказываются абстрактными. Ср.:

АМАЛЬГАМА 2. *перен.* Разнородная смесь, сочетание чего-н. вообще (книжн.);

АРОМАТ 2.*перен.*; чего. Неуловимый, но характерный признак чего-л. вообще;

АРТЕРИЯ ... 2. *перен.* Путь сообщения (особенно водный) вообще;

АТАКОВАТЬ 2.*перен.* Действовать энергично вообще, с напором, чтобы добиться чего-л., получить что-л. и т.п.;

АНАРХИЯ 2. *перен., разг.* Безначалие, беспорядок, хаос вообще;

БОРОЗДА 2. *перен.* То же, что бороздка вообще;

БОРОЗДИТЬ 3.*перен.* Пересекать в разных направлениях вообще, как бы покрывать бороздками.

Ср. их с аналогичными примерами, в которых переносное значение не отмечено (свидетельство того, что и сами составители определяют его не по конкретным параметрам, а по “внутреннему чутью”):

ЛЕС 1. Множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами. *Дремучий л.* 2. Срубленные деревья как строительный и промышленный материал.

Сплавлять л. 3. чего. О множестве чего-н. поднятого, устремленного вверх. *Л. Иттыков.* [11].

АТЕЛЬЕ 1. Мастерская живописца, скульптора, фотографа. 2. Мастерская одежды, обуви и т.п. [13].

Последние значения данных слов, не отмеченные как переносные, на самом деле являются таковыми и также могут быть дополнены словом *вообще*, т.е. абстрактны.

В то же время примеры свидетельствуют, что переносные значения отличаются еще одним признаком: все они являются не основными: общими или стилистически маркированными – обозначениями реалий. Так, в переносном значении *амальгама* – смесь вообще или смесь самых непредсказуемых веществ; *лес* – большое количество чего-л. вообще, находящегося в вертикальном положении; и т.д.. Человек, которого называют *бараном*, на самом деле не баран, а человек, субъективно охарактеризованный. Кроме того, переносное значение у конкретных существительных не распространяется на образования от них. Например, *осел* – 1. Вьючное животное сем. Лошадиных ростом и длиной до полутора метра. 2.*перен.* Глупый упрямец. Однако *ослик* только – 1. Осел маленьких размеров.

2. Детеныш осла. Ср. редкие примеры окказионального характера в художественной литературе: *Вырастит из сына свин, если сын свиенок*. В. Маяковский. *Ослик был сегодня зол: он узнал, что он осел*. С. Маршак. Производные же значения проявляются и у дериваций: *крыло самолета* – *крылышко самолета*.

В словаре С. И. Ожегова все приведенные значения слова *крыло* даны как прямые. Рассмотрим его переносные употребления:

Победоносцев над Россией простер орлиные крыла (Блок): *крыло* = “власть, витающая над человеком”; *Сейчас ты всюду на коне. А подрежут крылья* (= “возможности, средства, которые позволяют держаться на высоте, “летать”), *тогда меня и поймешь!* (С. Антоненко), *крылья Советов*: *крыло* = “возможности, средства, которые позволяют держаться на высоте, “летать” (ср. также название соответствующего спортивного клуба); *витать на крыльях любви*: *крыло* – “средство, позволяющее летать”.

Переносные значения связаны или с абстрактным ответвлением, или с абстрактным действием (*летать, находиться в воздухе*), в

то время как производные образованы по ассоциации со стержневым компонентом или контаминацией стержневого и признакового компонентов. Это позволяет предположить аналогичную или почти аналогичную ситуацию у других существительных. Ср.:

ХВОСТ 1. Придаток (обычно подвижный) на задней части тела животного или вообще задняя суженная часть тела животного. 2. Задняя часть летательного аппарата. 3. Задняя часть длинного подола (разг.). 4. Задняя конечная часть чего-н. движущегося, вообще что-н. длинное, движущееся. 5. Вообще удлинённая оконечность чего-н. 6. Вереница людей, идущих или стоящих друг за другом (разг.). 7. *обычно мн.* Отходы после обогащенных полезных ископаемых (*спец.*). 8. *перен.* Остаток, невыполненная часть чего-н. (обычно об экзаменационной задолженности) (разг.) [11].

В семантическом плане здесь выделяется один стержневой компонент – “задний отросток” и один побочный – “имеющий длину”. Переносные значения (4, 5 и 8) явно связаны с аналогическим сравнением и абстрактны в определении.

ШЕЛК 1. Нити, изготовленные из выделений гусеницы шелкопряда. 2. Ткань из таких нитей, а также из искусственного, синтетического волокна. 3. *обычно мн.* Одежда из такой ткани. 4. *перен.* О чем-н. мягком, шелковистом [11].

Здесь можно выделить два компонента: *нить* и *мягкий*. Ими и обусловлены все значения, причем первый компонент является родовым, а второй дифференцирующим. *Шелком* можно назвать и человека, мягкого по характеру или ставшего таким, т.е. “все мягкое вообще”.

Рассмотрим глагольные значения. Так, у С.И.Ожегова,

ПЕРЕДАТЬ 1. кого-что. Отдать, вручить, сообщить кому-н. *П. письмо. П. новость, П. детям любовь к труду* (перен.). 2. что. Распространить, довести до кого-н., каким-н. способом. *П. концерт по радио, по телевидению.* 3. что. Воспроизвести, изложить, изобразить. *Точно п. мысль автора. В картине передан дух эпохи.* 4. что. Отдать в распоряжение, на рассмотрение. *П. дело в суд.* 5. что. Отдать во владение. *П. свои права на что-н.* 6. что. Дать чего-н. больше, чем нужно. *П. сдачу при покупке.*

Во всех значениях присутствует общий компонент передачи чего-л., и лексические замены могут доказать их реальность, кроме шестого. По принципу максимальной дифференциации, значение 3 следует разделить на три самостоятельных значения, поскольку указанные к *передать* синонимы (эквиваленты) по отношению друг к другу синонимами не являются. Ср. *Точно передать* (= “воспроизвести”, но не “изобразить”) *мысль автора, В картине передан* (= “изображен”, но не “изложен”) *дух эпохи. Он передал* (= “изложил”, но не “изобразил” или “воспроизвел”) *свои идеи в романе.* В принципе разветвление семантики у глагола осуществляется по той же логике, что и у существительного. И ни одно из них не является настолько абстрактным, чтобы назвать переносным.

Таким образом, значения в историческом плане могут быть исходными и производными (внутренне мотивированными, внешне мотивированными). В синхронии – это основные, функционально и системно связанные значения.

Такая классификация, решая синхронные задачи, как и все классификации, является относи-

тельной: исторические переживания протекают во все периоды функционирования языка и могут фундаментально изменить словившиеся отношения, что потребует новой классификации, может быть, даже по иным принципам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Виноградов В.В.** Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
2. **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., Наука, 1980.
3. **Звегинцев В.А.** Семасиология. М., МГУ, 1957.
4. **Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. М., 1976.
5. **Кацнельсон С.Д.** Общее и типологическое языкознание. М.-Л., Наука, 1986.
6. **Кобозева И.М.** Лингвистическая семантика. М., 2008.
7. **Кронгауз М.А.** Семантика. М., 2005.
8. **Курилович Е.** Очерки по лингвистике. М., 1955.
9. **Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. – Теория метафоры. М., 2008.
10. **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 2007.
11. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М., 1998.
12. Большой немецко-русский словарь, тт.1-2. М., 1980.
13. Словарь русского языка. тт.1-4. М., 1981.
14. Толковый словарь армянского языка, т.3. Ереван, 1972.

У НАС В ГОСТЯХ

СЮНИК И РУССКИЙ ФЕНОМЕН

Р.ЭДЖАНАНЦИ

Лернадзорская осн. шк. Сюникского марза

Выражая русское слово, сюникцы свои раздумья ассоциируют с национальным миропониманием, мощью и культурой.

Испокон веков русское слово нетлеющей силой благоговения запечатлелось в прошлом и настоящем нашего временного пространства. Наш диалект насыщен разнообразием русских слов. Для всего нынешнего поколения русский язык доступен, а интеллигенция владеет русской письменной речью. Пожилые иногда связывают свою историческую хронологию с именами русских царей: Николаин дарвин (во времена Николая), Александри дарвин (во времена Александра) и т. д.

Со времен Петра Великого, находясь под гнетом магометанского ига, сюникцы с надеждой ожидали русских. Еще в летописях Бакунца есть запись о том, что в поисках справед-

ливости наши предки обратились с письмом к русскому царю. Подчиняясь воле царя, наша ратная молодежь обрела себя в рядах российской армии, осуществляя достойный доблестный труд, состоялась, борясь за освобождение родины, с российским оружием в руках.

Когда русские пришли с турками, великий сюниец Нждей предупредил о тайном заговоре, которые раскрылся спустя десятилетия. Итак, два века Сюника также были русскими. После правления Давид-Бека многие сюникцы эмигрировали в Россию, заселились в Кизляре, Моздоке, Астрахани, даже в Москве. Затем, когда Грибоедов и Пушкин проезжали по нашим территориям, пришли русские мужики и основали деревни в Сюнике.

И ныне, когда в какой-нибудь сюникской семье невестка

или зять русские - это воспринимается как обычное явление. Интересной национальной особенностью является тот факт, что с далекого прошлого влюбленные армянские мужчины татуировали на своем теле: Катя, Валя, Наташа, Вера, Люба и другие благозвучные имена. И напрасно шутил царь Петр I, когда говорил о том, что от вышедшей замуж за иноземца русской женщины, рождаются русские. И на примере Сюника можно ясно предугадать: русские женщины, ставшие сюникскими невестками, явили на свет армянских сыновей, впоследствии ставших видными патриотами нашей родины . . .

Когда армяне впервые увидели русский? Когда впервые общались с ними, и как первоначально называли их?

Древнейшие упоминания, несомненно, с наших краев. В X веке историк Мовсес Дасхуранци, который был продолжателем Каханкатваци сообщил и совершивших поход в Персию-Армению и Агванк делмиков. Он писал: С северной стороны появились иноверцы неизвестного племени, которых кличут рузиками, которые ветром пронесаясь, не боли трех часов, достигли до

Партава, столицы Агвана (стр 264).

Нет сомнения, что это упоминание о рузиках - именно о русских, которые, конечно, совершили плавание по реке Атл (Волге), красоту и величие которой с восхищением описал Киракос Гандзакечи.

По мнению филологов, возникла этимология "рус" от древнеславянского "род" или "рос", названия племени. По иной этимологии обозначает "русый", т.е. светловолосый. Византийские, армянские и русские средневековые источники свидетельствуют о том, что последнее Бахац или Капанское королевство (970-1170) имело торговые связи с Киевской Русью. Сюникские купцы доплыли до Волго-Камского междуречья, до города Болгар. Основали колонию в Манкерманском (Киевском) крае. С Владимиро-Суздальского княжества одна из дружин Андрея Боголюбского была послана против сельджука Шамсида Елткузи, на защиту обороняющихся в Бахаберде, но по неизвестным причинам не дошла до места.

Ясно, что развитие армяно-русских торговых отношений XII века возникли с помощью рус-

ской дипломатии, с перспективой превратить Закавказье в зону воздействия.

В XII веке против лишения армянской церкви самостоятельности, Гр. Тугеордин вел непримиримую борьбу против международного посягательства и призывал выступить с обращением к русскому народу "Христианской первосвященной русской церкви. Эта средневековая армянская действительность первый факт ожидания помощи с севера. В своих произведениях о русском народе упоминали средневековые армянские летописцы Фрик, Ованес Саркаваг, Наапет Кучак. В XV-XVII вв. Москва была настолько известна, что наши летописцы ставили ее выше Рима.

Достоинно внимания то, что в XII веке было переведено "Житие Бориса и Глеба".

Русско-армянские взаимоотношения во II половине XVII века переродились в политические связи (1678г. Эчмиадзинский тайный совет). Они достигли высшей степени во времена правления Петра I.

-Пьяным поборником русского течения был выдающийся идеолог Исраэл Ори (1659-1711 гг). С его деятельностью армян-

ские дипломатические традиции получили небывалый, новый блеск.

В судьбоносный для народа период он стал нашим университетом, который отличался глубоким знанием международных отношений и ловкостью и умением воздействовать на события. Несомненно, у Ори и его соратников не было мысли заменить магометанское господство идеологией другого далекого северного христианского владения. Русское отношение к армянскому народу - это большая надежда на утверждение государства.

Ори - наш соотечественник, сунит. Проповедник католичества Крушинский отметил, что родина Ори - Капан, а Лео отмечал, что одна из неизвестных сел Капана. Его также считали нахиджеванцем из рода Прошянов из Войоц дзора.

Первые подробные сведения об Ори нам впервые сообщил видный русский историк С. Соловьев в 1868 году, (том XVIII). О его европейской деятельности, в Мюнхене в 1893 году, читал лекции профессор Айгел, который считал его Дюссельдорским армянским торговцем.

В конце XVI! века армянский народ не только эксплуатировался со стороны персидских османских захватчиков, но также подвергался национальному давлению и угнетению.

В условиях раздробленной феодальной Персии, к армянскому относились с невыносимой жестокостью, ужесточали налоги, заставляли отступить от веры. Борьбой за освобождение родины Ори стал заниматься по возвращению из английского плена. Обосновавшись в Дюссельдорфе, знакомится с Пфальцским курфюрстом Ованом Вильгельмом, который был свояком кесаря Австрии Леопольда. Курфюрст с помощью Ори посылает письмо армянским меликам, а также грузинскому князю, чтобы уполномочить Ори для переговоров с ними. В 1699г. Ори едет в Ангехакот к Мелику Сафрази (он был участником Эчмиадзинского собрания). После получения отказа от католикосов Эчмиадзина и Ангехакоте совершенно иную картину. Собрание меликов направляет письмо в Пфалц. Впоследствии письмо копируют и представляют Петру Великому, потому что как выяснилось корыстные интересы курфюрста

были первостепеннее судьбы армян. Относительно письма мы имеем дело с весьма интересной позицией Сюника (Карабаха). Мелики в своих записях называют себя так: "Мы главенствующие и заседатели Большого Айастана".

Это указывает на то, что армянские мелики Сюники себя считали хозяевами всей Армении.

В 1701 году 25 июля Ори представил свою программу Петру Великому. Царь никаких письменных обещаний не дал, но устно обнадежил его. Он представил армянскому дипломату карету и телохранителей, присвоил звание полковника и с cortejem численностью в 50 человек, в качестве дипломата, направил в Персию.

XVII век в России также ознаменовался подъемом интереса к армянскому тароду, Армянская интеллигенция еще больше увлеклась русской культурой и была привлечена к военной службе. На Руси (России) И. Ори следит за деятельностью целой плеяды армянских политиков.

Царский двор стал противоречиво воспринимать Кавказ. "Старайтесь по возможности приглашать армян, а число му-

сульман уменьшайте, но такими тайными шособами, чтобы они сами о том не догадались", - писал Петр I Матюшкину. Дарскому правительству нужны были армяне, особенно для развития производительных сил. Эту политику приветствовал и царь Алексей Михайлович. Из исторической летописи известно, что эмигрированным из Персии армянам были присуждены привилегии, которые были зарегистрированы в царских приказных книгах 1667, 1711, 1725, 1744, 1762, 1764, 1765, 1768, 1779, 1797, 1799, 1802 гг. .

Чувственным ударом в отношениях русских и армян стала смерть Петра I 1725г.), во времена утверждения власти Давид-Бека. С этих времен известно написанное Мхитаром спарапетом (полководцем) письмо царскому правительству.

Господство над Закавказьем была главной задачей захватнической политики Петра I, для осуществления которой позже были приложены огромные усилия императрицей Екатериной. Обращение - "независимая" Армения использовалось в годы ее правления. Эту программу разработали Овсеп архиепископ

Аргутян и Ованес Лазарян. По приказу императрицы с существующей программой ознакомился знаменитый полководец А.В. Суворов, который находится в 1780-81 гг. в Астрахани, вел переписку с видными армянскими меликами Карабаха. По мнению русских, свободительная борьба в начале XIX века для армян стала неизбежной. После падения власти Давид-Бека, большую активность проявляли эмигрировавшие из Карабаха и Зангезура в Кизляр, Моздок и другие области армяне.

В 1801 году к России Воссоединяются Грузия, Лори, Шамшадин, в 1804г. -Гандзак, в 1805 году - Карабах. 14 мая на главной границе Карабаха и Гандзака на берегу реки Кюркчай (Тнагет), в шалаше, русский генерал Цицианов и из Карабаха хан Ирраим подписали договор, по которому Карабахское ханство впредь подчиняется России. По договору граница пролегла по реке Вохчи и Зангезурскому горному хребту. Это объяснялось двусмысленной позицией турецкого хана. Как показали события, он, впоследствии, множество раз нарушал договор, выступая то на стороне персов, то на стороне русских. В

Дзорке сохранилось слабое воспоминание о том, что когда-то русская и персидская граница пролегла по реке Вохчи (Ухур).

Провинция Мегри отделилась от Карабахского ханства и воссоединилась с Карадагскому ханству.

После воссоединения с Россией царское правительство не спешило проводить новые административные разделы и улучшить правление.

Это, наверняка, объясняется русско-персидскими отношениями и неумещающимся напряжением. Провинция продолжала оставаться разделенной до 1822 года, пока ханство получило название Карабахская провинция. Уезды или местечки по-прежнему правили мелики, которые подчинялись правящему в Шуши хану.

В 1813 году генерал Вотищев готовился к походу на Тавриз и через Каспийское море высадился на южном берегу. Правительство Персии вынуждено было идти на мировую. Переговоры проводились в селе Гюлистан (Хачен) пятнадцать дней. 12-ого октября генерал Вотищев и хан Мирза Абул-Асан подписали договор. Территория от Дербента до Карабаха перешла к России. И

Вотищев вновь уступил Мегри. Первая русско - персидская война заканчивается Гюлистанским мирным договором.

И все - таки, ханское правление продолжалось, пока действующей в стране Гюлистанский договор имел юридическую силу.

В этот период правительственный раздел был таким: Сисанский уезд (Брнатот), Татевский уезд (Татев), Кюпарайский уезд (Агарак, минбаши Мелик Парсадан), Ачананский уезд (Арачадзор), Баргушатский уезд, Писянский уезд, Чавндурский уезд. Впоследствии по Туркменчайскому договору граница отошла назад до Аракса,

Мегри воссоединился к русским поместьям, часть Ачанана перешла новооснованному Чавндурду, восточная часть Татевского уезда, через Горисский округ, отделилась и была названа Зангезурским уездом.

После 1805 года началась эмиграция жителей из Персии, которая увеличилась после Полистанского договора и стала массовой после Туркменчайского мирного договора.

Сюник постепенно адаптировался и подчинился русским законам, которые по сравнению с

ханскими были ближе по сердцу нашими предкам.

Чтобы не настраивать против себя, русское правительство осторожно подступало к правам магометанских руководящих слоев. Отслеживал ханские законы и порядки, новые правители продолжали раздавать турецким беком и агаларам земли, права на которые они передавали своим наследникам.

Хотя русское правительство начинало понимать, что в захваченных территориях имеет дело с имеющими разный уровень развития народами, и что мусульмане никогда не были надежными союзниками для русских. Царь постепенно склонялся к мысли о переселении армян из Персии в Восточную Армению. Это в первую очередь, являлось гарантией укрепления государственной границы. Царь Николай I, в письме обращенном Паскевичу писал: "Еще считаю нужным обратит внимание ваше на переселение обратное в новые области кочующих мусульман, иметь их в тылу будет, считаю я, неудобным, ибо на них положится нельзя... Земли же впусе не останутся, а скоро заселятся армянами и другими ближними христианами".

В основе воссоединения Восточной Армении к России была поставлена организация экономики более успешными способами, укрепились новые юридические отношения. Средневековое магометанское умопомрачение постепенно заменило лучами Северного сияния. В Карабахской провинции постепенно вернулось к жизни строительство русского государственного института.

По царскому манифесту начали организацию переписи населения, учета численности, инвентаризации, изучения этнографии и т. д. . Переселение было организовано с достойной заботой. Для решения продовольственной задачи, переселенцев разделила на группы из 150-300 человек, к каждой группе были закреплены офицер и 2-5 казака. Каждой семье было передано пособие в размере 6-7 рублей.

В новообразованном армянском марзе 1829-31 гг. численность населения достигла от 25 тысяч до 82377 человек.

В 1891 году численность армянского населения в Восточной Армении достигла 250895, а в 1913 - 1000100 .

Я новоиспеченное царское время по требованию и покро-

вительству Петербурга началось изучение этимологии, которая до сих пор отмечается в научных источниках и хранится в государственных архивах.

В этот праздничный день обращаемся с прошением к мно-

гоуважаемому русскому послу, с целью найти возможность доступа следующего издания для интеллигенции областного центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Описание Карабагской провинции, составленное действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым.

2. **Зелинский С.** Исследование экономического быта государственных крестьян в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии.

3. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, книга XIII, 1892 г.: М., Григоров. село Татев, книга XVII, 1893 г.: статья Епрема Мекик-Шагназаряна, книга XXXIV, 1904г: статья Епрема Мекик-Шагназаряна, книга XIX, 1894 г.: Свадьбы зангезурских армян, книга XXV, 1898 г.: селение Арцваник, книга XXXVI, М., 1904 г.: Н. Ширакуни. Зангезурский уезд Елисавет. губ., Медицинский сборник 56, 1894 г. Статья врача Гедеванова.

НОВОЕ В ПЕДАГОГИКЕ РА И РФ

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ В ПОНИМАЮЩЕЙ ПЕДАГОГИКЕ

М.В. МИНОВА

**Красноярский краевой институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования**

Решение задачи формирования умений у школьников становится все более актуальной, особенно в преддверии массового внедрения стандартов нового поколения. Переориентация педагогов на получение иного результата становится достаточно важным аспектом деятельности систем дополнительного профессионального образования. Изменение обучающей деятельности педагога в рамках решения данной задачи должно быть, прежде всего, связано с такой технологизацией различных фрагментов деятельности, которая в действительности позволяла бы формировать у школьников определенные умения.

Особенности текстов учебных предметов

Обоснование того, что одним из основных процессов, обеспечивающих освоение школьни-

ками учебного материала, является процесс понимания, а одной из основных деятельности является понимающая деятельность, представляется с помощью схемы, где выделяются четыре основные позиции: ученого, методиста, учителя и ученика (см. рис.). Обращаясь к этой схеме можно понять и то, почему и какую специфику имеют тексты различных учебных предметов [3, 101].

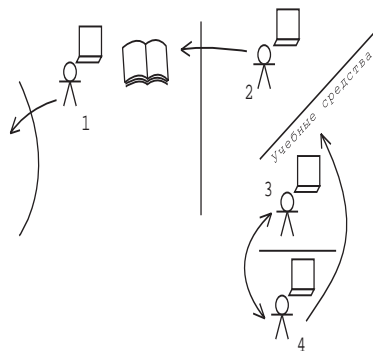
Позиция 1 на схеме представляет позицию исследователя, изучающего какое-либо явление. В результате проводимых им наблюдений и экспериментов он получает знания, которые затем «вписывает» в культурный контекст, оформляя некоторые тексты. Эти тексты являются некоторым отражением проведенной исследовательской работы. Например, если исследователь изу-

чал некоторое физическое явление и ему удалось получить новые знания, то сам способ получения этих знаний отразится в тексте в виде описания эксперимента или математических выкладок. Математик, доказавший теорему, обязательно представляет в тексте способ, которым он воспользовался и т.д. Таким образом, тексты исследователей обязательно отражают специфику самого способа получения знаний.

Позиция 2 – методист, конструирующий на основе существующих в культуре знаний, выраженных в текстах, учебные средства. Основная задача методиста – понять культурный текст и на его основе оформить другой текст, который может являться учебным средством.

Здесь важно отметить, что такой методист обычно является еще и специалистом по предмету, т.е. физические тексты перестраивает в учебные средства методист, который является еще и физиком, исторические тексты – историком и т.д.

То есть сам методист обладает **умениями**, которые необходимы специалисту предметнику.



Позиция 3 – учитель, конструирующий устные учебные тексты и организующий деятельность ученика. Его задача, оформить имеющиеся у него знания (полученные также посредством изучения и понимания устных и письменных текстов) в текст, который данные, конкретные школьники могут понять, и организовать их понимающую деятельность.

Позиция 4 – ученик чаще всего не имеет дело с явлением, а вынужден понимать его опосредованно через тексты учителя и тексты учебных средств.

Таким образом получается, что все тексты предметных дисциплин, с одной стороны, предполагают что учащийся в некотором роде уже обладает умениями, необходимыми для того чтобы понять данный текст, с другой

стороны, самим устройством способствуют становлению определенных умений.

Вернемся к текстам. Если проанализировать вопросы и задания для школьников по конкретному определенному предмету, то можно выделить характерную для данного предмета последовательность рассуждений, который предполагает осуществление определенных последовательных мыслительных или практических операций, в результате которых у школьников формируется определенный способ действия в конкретной ситуации. То есть, если учащиеся понимают учебный материал и справляются с предлагаемыми заданиями, то у них формируются те умения, которые необходимы для освоения данного предметного материала. Например, за счет изучения учебного материала по химии, физике, биологии у школьников должны формироваться исследовательские умения, поскольку по этим предметам предусмотрено выполнение лабораторных работ. Если правильно организована работа с текстом-инструкцией, в частности, если ученик, прочитав этот текст, понимает что и для чего он дол-

жен делать, то исследовательские умения у него формируются. И наоборот, если работа устроена так, что учащийся не осознает, что и для чего он делает: он самостоятельно не ставит задачу, не выстраивает логику выполнения эксперимента, не делает выводов и т.д., а просто последовательно выполняет действия, изложенные в инструкции, надеяться можно лишь на то, что некоторые школьники благодаря естественным процессам поймут, что и для чего они делали.

С другой стороны, надо посмотреть на способ организации понимания учебного материала с точки зрения умений. Если учащемуся не удастся понимать учебный материал, то организовать его понимание возможно, обеспечив выполнение последовательных действий, которые и являются основой определенного познавательного умения.

Таким образом, в самих учебных текстах, предметных методиках обучения уже заложена идея формирования определенных познавательных умений, например, таких, как умение сравнивать, систематизировать, классифицировать, выстраивать причинно-следственные связи и т.д.

Вопросы и задания, формулируемые для школьников в учебных пособиях (задачниках, рабочих тетрадях и т.д.) таковы, что результатом их выполнения может стать не только освоение учебного материала, но и формирование умений. Однако основная проблема остается в том, что для выполнения этого условия тексты должны пониматься, а задания выполняться с пониманием.

Понимание и формирование умений

Формирование предметных умений напрямую связано с пониманием предметных текстов. В то же время сами умения способствуют пониманию текстов и качественному освоению предметного материала. Например, за счет изучения учебного материала по химии, физике, биологии у школьников должны формироваться исследовательские умения, поскольку по этим предметам предусмотрено выполнение лабораторных работ. Если правильно организована работа с текстом-инструкцией, в частности, если ученик, прочитав этот текст, понимает что и для чего он должен делать, то исследовательские умения у него формируются. И наоборот, если работа устроена

так, что учащийся не осознает, что и для чего он делает: он самостоятельно не ставит задачу, не выстраивает логику выполнения эксперимента, не делает выводов и т.д., а просто последовательно выполняет действия, изложенные в инструкции, исследовательские умения у него не формируются.

Кроме того, можно посмотреть на способ организации понимания учебного материала с точки зрения умений. Если учащемуся не удастся понимать учебный материал, то организовать его понимание возможно, обеспечив выполнение последовательных действий, которые и являются основой определенного познавательного умения.

Когда учащийся, например, последовательно воспроизводит действия, необходимые для выполнения операции установления причинно-следственных связей, у него получается понять учебный материал, который изложен именно так, что для его понимания необходимо произвести операцию установления причинно-следственных связей. При выполнении задания, предполагающего использование умения

устанавливать причинно-следственные связи, ученик должен:

- выделять в вопросе следствие;
- выделять в следствии объект анализа;
- давать описание объекту, выделенному из следствия;
- выделять дополнительные характеристики, содержащиеся в следствии;
- переформулировать вопрос.

Эта последовательность и является основой для формирования умения устанавливать причинно-следственные связи.

Технологическое обеспечение формирования умений

Технологическое обеспечение процесса формирования конкретных умений связано с необходимостью представлять последовательность действий, в результате воспроизведения которых умение может становиться. Какие действия, например, должен производить ученик при сравнении двух или нескольких объектов, чтобы формировалось умение сравнивать.

М.П. Карпенко, автор концепции телеобучения, считает, что умения «можно отразить в виде алгоритма, т.е. совокупности действий, выполняемых в опреде-

ленной последовательности для решения задач данного типа» [2, 122]. Следовательно, технологический аспект формирования умений связан с такой организацией деятельности школьников, при которой требуемая для формирования умения совокупность действий периодически воспроизводится.

Для ситуации индивидуальной работы с учащимся этого условия уже достаточно. Учитель представляет последовательность действия и конструирует систему упражнений, которая позволяет тренироваться в выполнении определенных действий и в последовательности выполнения действий.

Однако когда учитель одновременно вынужден работать с классом, то недостаточно только сконструировать систему упражнений для ученика. В этой ситуации при технологизации фрагмента предполагаемой деятельности надо учитывать то, что за действиями каждого учителя проследить не может. Тогда необходимо предусмотреть такую организацию работы, когда ученик все равно будет вынужден последовательно выполнять нужные действия. Ситуации возникно-

вения у школьника затруднений и возможности их преодоления тоже должны быть предусмотрены. Необходимость и выполнимость – два главных условия, которые позволяют характеризовать систему действий как технологичную для группового обучения. Другими словами, при создании такой системы действий педагог должен все время себе отвечать на вопросы: почему школьник это будет вынужден делать и за счет чего это у него получится?

Например, для формирования умения сравнивать необходимо, чтобы ученик периодически воспроизводил следующие действия:

- 1) выделял объекты сравнения;
- 2) выделял основания сравнения;
- 3) комментировал собственные действия.

Именно третья операция дает возможность учащемуся фиксировать последовательность действий, необходимую для сравнения.

Для того чтобы ученик воспроизводил первое действие, ему дается задание (написанное на карточке) – он должен выде-

лить различные пары объектов, о которых говорится в задаче, для последующего их сравнения. Объектами сравнения могут быть не только предметы, но и явления, процессы и др. Главное условие – необходимо выделять те объекты, к которым можно найти парный (упоминающийся в этом же задании).

Если рядом с учеником сидит учитель, то этого достаточно. Ученик выполняет задание, а учитель следит за правильностью выполнения. В случае, когда все ученики выполняют одинаковые задания, а затем идет общая проверка, те, у кого получился отличный от общего результат, так до конца и не понимают, почему у них неверно, а следовательно, предполагаемому действию не учатся. Тогда надо, чтобы каждый выполнял свое задание, и каждый был вынужден обосновывать свой вариант. Это возможно, когда учащиеся должны работать вместе, например в парах.

Итак, работа осуществляется в паре, напарники имеют разные задания. Вначале каждый из напарников индивидуально выписывает все пары объектов, которые встречаются в задании, а

затем выбирает и объясняет напарнику, почему именно эти объекты он будет сравнивать (апеллируя к заданию). Вербализация обоснований, с одной стороны, позволяет школьнику воспроизвести «цепочку» своих рассуждений, проверяя их на логичность, и, с другой стороны, вынуждает его комментировать собственные действия.

Следующий такт работы связан с выполнением второго действия – выделением оснований для сравнения. Для этого учащийся выполняет следующее задание: «Назови однотипные признаки данных объектов, позволяющих сделать вывод об их похожести и различии». Вместе с осуществлением второго действия, школьник в очередной раз фиксирует то, что он в данный момент делает. И наконец, получает возможность ответить на вопрос задания.

Именно парная работа, когда ученик получает отношение к своему варианту выполненного задания, позволяет ему учиться выполнять само действие.

Примерное содержание карточки – задания.

1. Прочитай задание, выпиши все пары объектов, которые в нем встречаются.

2. Прочитай задание напарнику и объясни, какие именно объекты ты будешь сравнивать и почему.

3. Запиши в тетрадь те признаки, по которым объекты схожи и те, по которым они отличаются.

Схожие признаки	Отличительные признаки

4. Расскажи напарнику, по каким признакам объекты похожи и по каким отличаются.

5. Ответь на вопрос задания.

Еще раз обратим внимание на то, что в приведенном порядке очень важна смена индивидуального и парного характера работы. Периодически возникающая коммуникация, с одной стороны, позволяет школьнику все время «проверять» свою логику рассуждений, формулируя ее напарнику и получая отношение, с другой стороны, позволяет фиксировать свои действия.

Технология сравнения может закладываться непосредст-

венно в текст задания, с которым школьник должен работать индивидуально. Пример такого задания приведен ниже.

Карточка

Чем отличается постановка знаков препинания перед союзом «и» в следующих предложениях?

Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит.

Надя скучала по матери и бабушке.

Выдели в предложениях те объекты (ситуации), которые ты будешь сравнивать.

Что сравнивается?

а) предложения; б) части речи; в) знаки препинания.

Что сравнивается конкретно?

а) союз «и»; б) отсутствие запятой перед «и» в одном предложении и наличие в другом; в) состав предложений.

Выдели, по какому признаку ты будешь сравнивать?

а) количество подлежащих и сказуемых;

б) количество союзов.

Выбери алгоритм выполнения операции сравнения.

Как произвести сравнение данных предложений?

а) сравнить количество подлежащих и сказуемых → сравнить виды предложений → сравнить правила постановки запятой перед союзом «и» в простых и сложных предложениях.

б) сравнить союзы → сравнить правила постановки запятой перед союзом «и».

Данная карточка уже предполагает, что будут осуществляться только нужные действия и только в определенной последовательности. Однако при этом теряется некоторый уровень самостоятельности и отсутствует необходимость рефлексии собственных действий. Другими словами, средство помогает сравнить, но не учиться сравнивать. Если же предусмотреть, что учащийся, после выполнения задания, должен прокомментировать каждый свой ответ напарнику, то у него возникает необходимость не только продумывать обоснования, но и формулировать их. В этом случае можно говорить уже о формировании умения.

Таким образом, для педагога, технологизирующего фрагменты подобной обучающей деятельности очень важно уметь представлять умение в виде пос-

последовательно выполняемых действий и конструировать систему упражнений для тренировки в выполнении самих действий. Однако не менее важным является включение в будущую деятельность ученика таких элементов, которые:

- будут вынуждать школьника последовательно совершать все предусмотренные для выполнения действия;
- обеспечат безотлагательное обнаружение возникающих

затруднений и получение помощи в их преодолении.

Требования к образовательным результатам, формулируемые в новых стандартах, переориентированы на «уменьшающую» компоненту. Однако важным моментом остается то, что специфичные для конкретного предмета умения могут формироваться за счет специально организованной работы с текстами, предполагающей обеспечение их понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Карпенко М.П.** Телеобучение. М., 2008.
2. **Минова М.В., Крутень О.А.** Познавательные общеучебные умения: формирование и диагностика: методическое пособие. Красноярск, 2009.
3. **Мкртчян М.А.** Методологические вопросы педагогических исследований и практических построений. Методологические и теоретические подходы к решению проблем практики образования: сборник статей. – Красноярск, 2004.

ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Н.Г. МИНАСЯН

Сош № 21 МО РФ

*“ Все хорошее в природе - от солнца;
а все лучшее в жизни - от человека”.*

М.М. ПРИШВИН



Перед началом утренника выступила завуч по учебно-воспитательной работе М.В. Кримлян. Она рассказала, что в этом году школа работает над проектом “Милосердие”. Девиз проекта -

“Добрым быть совсем не просто,
Доброта не зависит от роста”.

В рамках проекта были проведены следующие мероприятия – конкурс чтецов, выпуск стенгазет, классные часы, сбор одежды для малоимущих семей, сбор макулатуры в общешкольной акции “Прояви добро и спаси одно дерево”. В рамках проекта дети участвовали в акциях “Жизнь без наркотиков”, “Еще не поздно”. В каждом классе есть касса, где дети собирали деньги для неизлечимо больных детей.

Человек должен спешить делать добро потому, что в этом мире зло часто бывает активнее добра.

Кримлян М.В. представила гостей - главного редактора газеты “Образование” - господина Минасяна и заместителя директора фонда “Подари жизнь” - Нуне Ованисян.

Еще одного гостя представила Наталья Грантовна Минасян.

Учитель. Я рада приветствовать всех, кто находится в этом зале. Ребята, сегодня в этом зале находится мой учитель, учитель, который учил меня тому, как я должна учить вас, учитель, у которого учились и продолжают учиться многие учителя нашей школы.

Итак, у нас в гостях действительный член Академии педагогических Наук Армении, председатель научно-методического совета армянского Центра развития русского языка, доктор педагогических наук, академик, профессор кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна - Белла Марковна Есаджанян.

Учитель. А теперь на сцену приглашается 2-б класс.

Песня. “Что такое доброта?”/Автор музыки и слов: Любаша./

Учитель. Чтобы делать добро, надо, прежде всего, им обладать. У каждого человека есть свой путь к доброте. Она нам не дается с рождения, не передается по наследству.

Необходимо упорно, день за днем, воспитывать в себе – **ДОБРОТУ.**

Ученики. Слово это серьезное,
Главное, важное.
То, что значит оно,
Очень нужно для каждого.
В нем забота и ласка,
Тепло и любовь.
В нем стремленье
На помощь прийти вновь и
вновь.
Это качество
В сердце у многих живет
И о боли других
Позабывать не дает.
И оно поважнее,

Чем лица красота.
Догадались, что это?
Сердце ДОБРОТА.
Не стой в стороне равнодушно,
Когда у кого-то беда.
Рвануться на выручку нужно
В любую минуту, всегда.
И если кому-то, кому-то
поможет
Твоя доброта и улыбка твоя,
Ты счастлив, что день не
напрасно был прожит.
Что годы живешь ты не зря!

Дети исполняют песню «Доброта» (сл. Н. Тулуновой, муз. И. Лученка):

Учитель. Научиться быть добрым очень сложно, но необходимо. Добро и зло всегда идут рядом, так же как любовь и ненависть. Делать добро всегда приятно!

Презентация. Слайд 3.

Учитель. Научиться быть добрым очень сложно, но необходимо. Добро и зло всегда идут рядом, так же как любовь и ненависть. Делать добро всегда приятно!

Ученики. Стать добрым волшебником
Ну-ка попробуй!
Тут хитрости вовсе
Не нужно особой.
Понять и исполнить
Желанье другого –
Одно удовольствие,
Честное слово!
На клумбе – цветок,
Его листья повисли.
Грустит он. О чем?
Угадай его мысли.

Он хочет напиться.
Эй, дождик, полей!
И дождик струится
Из лейки твоей.

А что же сестренка
Скучает в сторонке?
Волшебное что-нибудь
Сделай сестренке!

И ты обернулся
Ретивым конем –
Галопом сестренка
Помчалась на нем.

Хоть мама еще
Не вернулась с работы,
Нетрудно узнать
Ее думы, заботы.

Вернусь –
Хорошо бы пошить, почитать,
Да надо с уборкой
возиться опять.

И ты совершаешь
Веселое чудо –
Пол засверкал,
Засияла посуда!

И ахнула мама,
Вернувшись домой:
- Да это как в сказке!
Волшебник ты мой!

Учитель. А сейчас послушайте, пожалуйста, древнюю китайскую сказку.

Ученик. Когда-то жил император, который любил птиц. Он знал, что мальчишки стреляют по ним из рогаток и объявил:

- Кто принесет во дворец живую птицу, тот получит горсть риса.

Услышав об этом, мальчишки перестали стрелять голубей. Они наставили в лесу множество силков, и вскоре дворцовые комнаты наполнились голубями.

Случилось, что императора навестил мудрец из соседнего княжества. Он увидел во дворце голубей и спросил:

-Зачем столько птиц?

Император ответил:

-У меня доброе сердце, и я спасаю их от мальчишек. Больше они не бьют голубей, а приносят их мне живыми.

-Кто же кормит птенцов? -спросил мудрец?

-Каких птенцов? –спросил император.

-У птиц, которые живут теперь в комнатах дворца, остались в лесу беспомощные птенцы. Кто их кормит?

-Об этом я не подумал,- признался император.

Тогда мудрец сказал:

-У вас доброе сердце, вы любите птиц, но никто им не принес столько зла, сколько вы. Все гнезда в ваших лесах наполнены сейчас мертвыми птицами. Вы спасли 500 голубей, но погубили в пять раз больше.

-Ах, как трудно быть добрым! – воскликнул огорченный император.

На это мудрец заметил:

-И добро надо делать с умом. Вначале хорошенько подумай, потом делай доброе дело.

Учитель. А сейчас, мы предлагаем вам посмотреть сказку о том, как любовь и добро побеждают зло. Итак, “Снежная королева” – по мотивам сказки Ганса Христиана Андерсена.

(Сказка, минусовки песен, песни на сайте “Драматешка”)

Учитель. Ребята, как вы думаете, чего на земле больше: добра или зла. Доброту и любовь нельзя купить за деньги. Доброта – как волшебное лекарство, вылечивает от многих недугов. Надо научиться быть добрым ко всему окружающему.

Доброта, добрые поступки, взаимопонимание, милосердие, внимание друг к другу, толерантность – в нашем обществе живут по сей день. Часто люди готовы поделиться последним, что у них есть. И таких людей очень много.

Сейчас мы узнаем, каких поступков больше совершают ученики нашей школы – добрых или плохих? А помогут нам весы. Чтобы победить зло, надо постараться, чтобы перевесила чаша весов с добром. Давайте вспомним, какие добрые дела совершили вы и по капельке положим их на чашу весов с добром, может быть некоторые из вас вспомнят и свои нехорошие поступки.

(Капелек добра больше, чем плохих поступков.)

- Вот видите, как можно победить зло. Так и в жизни: капельки добра, сливаясь, превращаются в ручеек, ручейки - в реку, а реки - в море добра. Хорошо, когда человек оставляет после себя добрый след. Недаром русская пословица гласит: “Доброе дело два века живет.”

Давайте поклоняться доброте!
Давайте с думой жить о доброте.
Вся в голубой и звездной красоте
Земля добра: она одарит хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту!

Учитель. Ребята, впереди вас ждет много славных дел. Спешите делать добро! Ведь делать добро – это здорово! Пусть ваш цветок доброты победит зло, безразличие, предательство, грубость, ненависть, пусть в мире больше не будет войн.

Я хотела бы, чтобы вы всегда совершали только добрые поступки - не жадничали, любили Родину, помогали маме, любили природу, хорошо учились, уважали старших, выручали товарища в беде, ведь жить без друзей очень трудно, пусть вас всегда окружают верные и добрые друзья.

Песня “Дружба”. (Автор музыки и слов: Любаша)

Учитель. А сейчас послушайте, пожалуйста, притчу.

Жил в одном городе мудрец. И знал он ответы на все вопросы. Но нашелся завистливый человек и решил обмануть мудреца. Он пошел в поле и поймал бабочку. Зажав ее в руке, он подумал: Я пойду к мудрецу и спрошу, жива ли бабочка. Если он ответит, что да, то я раздавлю ее и скажу, что он не прав, а если он ответит, что нет, то я раскрою ладонь и бабочка улетит!

Итак он подошел к мудрецу и спросил: Мудрец, вот говорят, что ты все на свете знаешь, так ответь же ты мне, жива ли бабочка?

На что мудрец ответил: Все в твоих руках!

Учитель. Все в ваших руках ребята, в наших руках! Вы все знаете, что в нашей школе продолжается акция “Пока не поздно”... Каждый из тех, кто находится сегодня в зале, может помочь детям из Детского онкологического центра, каждый из нас сегодня, сейчас может совершить доброе дело, подарить кому-то жизнь, сделав взнос – пожертвование. В конце года вся сумма, собранная учениками нашей школы, будет передана пациентам Детского онкологического центра. Спешите делать добро!

Учитель. Добро и зло всегда идут рядом, так же как любовь и ненависть. Дорога к добру нелегка, поэтому важно осознавать свои действия и уметь быть благодарным людям, делающим вам добро. Помните, что добрым, милосердным людям легче жить, общаться друг с другом. Общение с такими людьми приносит радость. Надо так жить каждому из нас, а начинается все с малого – полил цветок, накормил кошку.

Учитель. Действительно, научиться по-настоящему быть добрым трудно. Путь к доброте долгий, нелегкий. На нем человека ожидают взлеты и падения, спуски и подъемы, чередования зла и добра. У каждого человека, большого и маленького, свой путь к доброте.

Никому не нравятся люди, совершающие плохие поступки. Хорошие поступки говорят о том, что человек хороший. Надо стремиться всегда и во всем быть полезным людям.

Будьте добры ко всем окружающим людям! Спешите делать добро!

Учитель. Когда по склонам вечной суеты
Бежать от неудач устанешь люто
Направь шаги
Тропюю Доброты
И радость помоги найти кому –то!

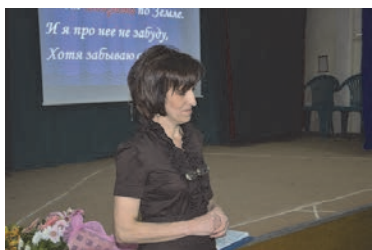
Песня “Добрые дела” (Слова – Н.Кадышевой, музыка – В.Мигули)



После утренника выступила Б.М. Есаджанян.

- Спасибо! Спасибо вам, ребята, вы сегодня сделали добро - подняли настроение всем гостям и вашим родителям. Вы читали сказку "Снежная королева", вы помните, какое слово собирал Кай в чертогах Снежной королевы? Слово "Вечность". Вечно будет человечество, если, как мы все этого хотим, добрых дел будет больше на свете и, наверное, именно в этом сила настоящего человека. Когда вы вырастите, вы должны уметь встать на сторону добра и вы, наверное, сможете это

сделать, потому что Вы начинаете жизнь с хороших, добрых дел. Доброго пути вам к настоящей доброй личности.



После утренника выступила заместитель директора фонда „Подари жизнь” - Нуне Ованисян. Она поблагодарила всех артистов не только от имени фонда, но и от имени всех детей, страдающих тяжелыми заболеваниями, не утративших надежду на выздоровление и вручила благодарственное письмо от почетного председателя фонда “Подари жизнь” первой леди Армении госпожи Риты Сарксян.

Учитель поблагодарила всех, кто помог подготовить и провести утренник - учительницу музыки Звягинцеву Викторию Альбертовну, родителей учеников и, конечно, самих участников.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

САРКИС СУРЕНОВИЧ КАЗАРОВ

24 ноября 2012 года исполняется 55 лет известному историку, доктору исторических наук, профессору Педагогического института Южного федерального университета г. Ростова **Саркису Суреновичу Казарову**. “55 лет! Я – круглый отличник!” – шутит Саркис Суренович. Однако в этой шутке есть определенная доля правды, ибо если оценивать заслуги ученых по пятибальной шкале, то отличная “успеваемость” С.С. Казарова очевидна.

Саркис Суренович Казаров родился в семье известного советского тренера по греко-римской борьбе Сурена Саркисовича Казарова, многие воспитанники которого стали чемпионами (среди них - олимпийский чемпион Вардерес Самургашев). С.С. Казаров прошел трудный путь от учителя истории в школе до профессора кафедры Всеобщей истории ПИ ЮФУ. Начальная стадия его научной деятельности была полностью посвящена изучению

истории Эпирского царства (на территории Балканского полуострова), о котором было известно очень мало или почти ничего. Кандидатская диссертация молодого ученого на тему *“Социально-политическое развитие Эпира в V-IV вв. до н. э.”* (научный руководитель – знаменитый профессор СПбУ, доктор исторических наук Э.Д. Фролов) стала важнейшей вехой и поворотной точкой в изучении истории этого маленького государства, играющего важную роль в международных отношениях в средиземноморском регионе в IV-III вв. до н.э. Однако этим важнейшим исследованием тернистый путь изучения истории Эпира не закончился. Плодами логического продолжения научных трудов С.С. Казарова явилась докторская диссертация на тему *“Царь Пирр и Эпирское государство в межгосударственных отношениях в эпоху эллинизма”*, защищенная в 2005 г. в г. Саратове. В 2009 году в Издательстве

СПБУ вышла его монография *“История царя Пирра Эпирского”* (в серии *res Militaris*), где С.С. Казаровым был обобщен многолетний исследовательский опыт изучения Эпира. И если раньше в историографии изучение истории Пирра и его государства носило спонтанный характер, то сейчас ученый мир получил капитальную монографию (521 стр.), охватывающую как проблемы изучения источников Пирра и Эпирского государства в целом, так и вопросы идеологии и дипломатии в Эпирском царстве. Данный труд еще раз доказывает, что российская школа изучения античности занимает главенствующее место в научном мире, ярким и талантливым представителем которого является и наш юбиляр Саркис Суренович Казаров.

Параллельно с исследованием проблем античной истории С.С. Казаров с начала 90-х годов прошлого столетия начал изучать *вопросы армянской колонии* Нор-Нахичевана. Ученым был рассмотрен широкий круг вопросов. Его многочисленные статьи (а их более 30-и) относятся к различным проблемам Н. Нахичевана и охватывают сферы политического, социально-экономического и культурного развития ис-

тории не только армянских колоний, но и донских армян в целом. Труды ученого, посвященные проблемам формирования армянской интеллигенции (автором исследована деятельность *Г. Патканова, А.К. Дживелегова*), самоуправления армян, армянского этноса, экономическим вопросам, издавались во многих научных журналах Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Шахты, Таганрог, Армавир, Москва и т. д.). Новый Нахичеван является родиной многих наших известных соотечественников (*М.Налбандян, Г. Чалхушян, А. Мясникян, С. Срапионян, С. Врацян, М. Сарьян, М.Шагинян, и другие*). Все они играли важнейшую роль в укреплении дружбы между двумя братскими народами – русским и армянским, способствовали формированию в Армении первой республики (1918-1920 гг.), развитию экономической и культурной жизни нашей страны как в вышеуказанный, так и советский периоды. Как настоящий патриот, С.С. Казаров не мог обойти вниманием деятельность известных нахичеванских соотечественников. Патриотизм, видимо, ученый унаследовал от своего прадеда - зимвора Калуста, борца за освобождение Армении от турецко-османского ига в конце

XIX в. Важнейшее место в трудах С.С. Казарова по истории армянской колонии отведено религиозным вопросам. Так, в 2008 г. во втором издании вышла его монография *“История армянской апостольской церкви Ростова-на-Дону XVIII-XX вв.”* (соавтор – В.Г. Вартанян), а в 2012 г. – книга *“Нахичеванское купечество”*, посвящённая важной роли армянских купцов в экономическом освоении Юга России. В настоящее время ученый продолжает свою деятельность как в изучении истории Эпира, так и донских армян.

Таким образом, всей своей научной деятельностью Саркис Суренович Казаров доказал, что он действительно “круглый отличник” в изучении как истории античности, так и истории армян Дона.

Пожелаем нашему юбиляру здоровья и успехов на труднейшем и благородном поприще служения науке!

А.Ж. Арутюнян

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета*

С.Д. Литовченко

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков ист. фака. Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина*